

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a man with dark, wavy hair and a black eyepatch over his right eye stands with his arms crossed. He is wearing a black, long-sleeved button-down shirt and black trousers. He is positioned in a room with stone walls, a chandelier with lit candles, and a crystal ball on a table. On the right, a woman with long, wavy blonde hair stands looking at a tablet computer. She is wearing a light grey turtleneck sweater and blue jeans. Behind her is a futuristic, high-tech environment with blue glowing lights and digital screens. A bright, fiery energy beam connects the two characters.

Юлианна
Винсент

сиделка для
античной рептилии
или как я приручила
дракона

Юлианна Винсент

**Сиделка для античной рептилии
или Как я приручила дракона**

«Автор»

2026

Винсент Ю.

Сиделка для античной рептилии или Как я приручила дракона /
Ю. Винсент — «Автор», 2026

«Требуется сиделка для античной рептилии в стадии обострения». Ещё вчера у меня была квартира, бабушка-ведьма и вера в справедливость. А сегодня — двадцать грошей в кармане, бабуля в больнице, и самая странная работа на древнего язвительного дракона, который убежден, что ему никто не нужен. Но бытовые ведьмы не сдаются перед трудностями: и квартиру бабуле верну, и дракона научу пользоваться благами цивилизации. Только интересно, что взорвётся первым: враги, его терпение или моё сердце.

© Винсент Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Глава 4.	16
Глава 5.	18
Глава 6.	20
Глава 7.	24
Глава 8.	27
Глава 9.	29
Глава 10.	33
Глава 11.	36
Глава 12.	39
Глава 13.	43
Глава 14.	46
Глава 15.	49
Г	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юлианна Винсент

Сиделка для античной рептилии или Как я приручила дракона

Введение

Англицизм — процесс заимствования английских слов в русский язык. И, я думаю, вам, дорогие читатели, всем известно, что в нашей стране есть очень много англицизмов.

Компьютер, интернет, полиция, триггер, лайфхак, например. Даже такие слова, как джем или вокзал (от *Vauxhall* — названия парка и увеселительного заведения под Лондоном), к которым мы привыкли, также являются заимствованными.

Интенсивный процесс заимствования английских слов в русский язык начался в 1990-х годах, что было связано с изменениями в сфере политики, экономики, культуры и других аспектов жизни общества.

Но с 1 марта 2026 года в России вступили в силу новые требования к использованию языка в публичной сфере, и поэтому я предлагаю вам вместе со мной пофантазировать.

Что бы было, если бы перестройка случилась не в России, а в Европе или, скажем, в Америке. И это они бы заимствовали у нас слова.

То есть в Америке случился бы, так называемый, славянизм.

Для более глубокого погружения в историю, предлагаю вашему вниманию небольшой словарь терминов:

Корыстники — мошенники

Зеркальце — мобильный телефон

Рунная гладь — индукционная плита

Пряжево — интернет

Гульбище — соцсети

Сказание — блог

Глава 1.

Объявление, на которое я наткнулась сегодня утром за чашкой кофе в “Пряжеве” (раздел “Ведьмины Услуги”) звучало крайне загадочно и забавно.

“Требуется сиделка (или укротитель) для античной рептилии в фазе обострения.

“СРОЧНО! В благоустроенную квартиру в центре, напичканную дорожными артефактами (которые, скорее всего, будут уничтожены в первую же смену), требуется специалист широкого профиля.

Ваши подопечный:

— *Мужчина. Дракон (это не метафора, увы). Возраст — за шестьдесят, но явит на все сто двадцать.*

— *Провел в магической коме двадцать лет. Считает, что “Пряжево” — это бабкины сказки, а Гладь-Зеркальце — дорогая подставка под кружку.*

— *Убежден, что еда сама себя не поймает. Магазины его раздражают. Скоропламень и Рунную Гладь ненавидит лютой ненавистью класса “огненный шторм”.*

— *Имеет легкую инвалидность по зрению и очень тяжелую — по характеру.*

Требования к кандидату:

1. *Наличие инстинкта самосохранения (желательно атрофированного).*

2. *Умение обращаться со всеми современными технологиями на “ты”.*

3. *Крепкие нервы. Если вы обижаетесь на фразу: “В мое время за такие ищи сжигали на костре!” — не приходите.*

4. *Знание основ целительства при легких ожогах первой-второй степени (ваших, не его).*

Оплата: Высокая. Очень высокая. Включает компенсацию за моральный ущерб и сгоревший инвентарь. Прилагается отдельная комната с замком (изнутри).

Обращаться по адресу: Трейтен Фолл, 13, квартира 77”.

Дочитав до конца я понимающе хмыкнула. Трейтен Фолл — самый современный район нашего города и он же самый дорогостоящий, а у богачей свои причуды.

Не удивлюсь, если по итогу там нужно будет убираться за каким-нибудь василиском, в прямом смысле этого слова.

Одним глотком я допила свой уже остывший кофе и стала собираться к бабушке в больницу, которая оказалась там после того, как ответила на звонок с незнакомого номера. Конечно же это были корыстники, которые умудрились запудрить мозги бабуле до такой степени, что, по ее словам, она переписала на них квартиру.

Стоило мне на пару дней уехать на подработку, как моя ба натворила дел. Но, что сделано, то сделано. Естественно мы написали заявление в магический патруль, но это не спасло бабушку от очередного сердечного приступа, когда до нее дошло, что случилось.

И вот сейчас мне нужно было приехать к ней и очень убедительно соврать о том, что дело продвигается (хотя оно никуда не двигалось), что патруль вышел на след преступников (они даже и своих кабинетов не вышли, не то, что уж там что-то уж), что все хорошо (но на самом деле, нет) и ей не стоит волноваться (а вот это точно).

Но если бы я просто вышла и спокойно доехала до пункта назначения — это было бы слишком легко. Поэтому, как только я открыла дверь, наткнулась на двух совершенно незнакомых мне людей.

— *Что-то мы не видим, чтобы ты с вещами выходила.*

В коридоре стоял мужчина в костюме из кожи молодого василиска (очень дорого и очень мерзко) и женщина с улыбкой, от которой у меня заныли зубы. Столько в ней было магии “доверия”, что воздух мгновенно стал липким, а мои пальцы, потянувшиеся было за оберегом от магического воздействия, налились свинцом и безвольно упали.

“Глушилка”, — мелькнула мысль у меня в голове.

Дешевый артефакт, подавляющий любые активные чары в радиусе пары метров. Моя бытовая магия против него была бессильна.

— Деточка, — проворковала женщина, помахивая Зеркальцем у меня перед носом. — Твоя бабушка, пока была в своем уме, подписала дарственную. Тут все чисто, заверено нотариусом с лицензией Гильдии Скреп. Вот печать, вот отпечаток ауры.

Я посмотрела на строчки на экране и перед глазами поплыло. Ярко-зеленая печать с вензелями, точь-в-точь как в хвалёбе Гильдии. Конечно же, я поверила. У меня не было выбора.

“Чары Согласия” мягко, но настойчиво давили на виски, убеждая: все правильно, все законно, ты просто неудачница, забирай вещи и иди.

Наивная я до последнего была уверена, что все обойдется. Даже в магпатруле нас заверили, что все будет хорошо.

Но к нам так и не пришли, чтобы снять отпечаток ауры этих подонков. Уже тогда мне это показалось странным, но я всего лишь бытовая ведьма и не обладаю знаниями в области поимки корыстников.

И, честно говоря, до недавнего времени, я искренне полагала, что нас с бабулей это никогда не коснется. Ведь бабушка то у меня не простая ведьма, а одна из четверки сильнейших. Просто на пенсии. И просто это уже третий ее приступ, который, конечно же не прошел бесследно для ее искры. Будь она в хорошей форме, давно бы превратила этих шарлатанов в жаб.

Но судьба странная штука и сейчас, держа в руках документ, сообщающий мне, что с этого момента я стала бездомной, я чувствовала абсолютное опустошение. У меня даже не было сил на то, чтобы сопротивляться и возражать.

— У тебя десять минут, милочка, — мужчина в василиске прошел внутрь квартиры, оттеснив меня в сторону и пнул мой чемодан, который я еще не успела разобрать с поездки. — Собери шмотки, и чтобы духу твоего ведьминского здесь не было.

Я не плакала, пока спускалась по лестнице. Не плакала, пока закидывала чемодан в свою старую, пахнущую сыростью и неудачей самоходку. Разревелась только тогда, когда чары согласия перестали действовать, я включила зажигание, и из голосников заиграла любимая бабушкина песня “Луч Солнца Золотого”.

— Померкло твое золотое солнце, ба, — сквозь слезы пробормотала я, прижимая к груди Зеркальце, как спасательный круг.

“Надо выложить эту историю в сказ и спросить, что делать в таких случаях, — подумала я про себя, включая экран и шмыгая носом. — Наверняка, кто-то из моих смотрильщиков знает, что делать с подобным”.

Я зашла в Гульбище и попыталась собраться с мыслями, чтобы записать сказание о корыстниках, но каждый раз, когда пыталась рассказать об этом, меня пробивало на слезы. После пятой неудачной попытки, я бросила это гиблое занятие, понимая, что ничего толкового из этого сейчас все равно не выйдет.

Чтобы хоть немного себя успокоить и отвлечься, я решила поискать работу. Было бы замечательно, если бы попалась вакансия с проживанием, потому что ночевать в самоходке, было сомнительным удовольствием.

Я листала раздел “Ведьмины услуги”, пытаясь найти хоть что-то и с каждым новым объявлением все больше отчаивалась.

“Требуется ведьма для снятия сглаза с хомячка. Оплата — баночка варенья”. “Нужна помощница в ритуальный зал, стаж 300 лет”.

И тут я снова наткнулась на объявление, над которым смеялась еще пару часов назад.
“Требуется сиделка (или укротитель) для античной рептилии в стадии обострения...”

Сейчас, сидя в машине с двадцатью грошами в кармане и перспективой сдохнуть на помойке, я прочитала его еще раз до конца.

“Оплата: Высокая. Очень высокая. Комната предоставляется”.

— Античная рептилия, значит? — прошептала я, шмыгая носом. — Ну, других вариантов у меня все равно нет. Была — не была.

И я нажала “Откликнуться”.

Через мгновение экран Зеркальца мигнул входящим письмом:

"Одобрено. Ждем. И наденьте что-нибудь огнеупорное".

Я усмехнулась сквозь слезы, завела мотор и вырулила в сторону Трейтен Фолл, молясь, чтобы хоть на этот раз мне повезло.

Глава 2.

Золотой квартал встретил меня стерильной чистотой и запахом денег. Белые каменные башни уходили в небо, светящиеся вывески гильдий мерцали мягким серебром, а по тротуарам прогуливались дамы в мантиях из лунного шелка.

Мой старушка-самоходка, чихающая и кряхтящая на каждом повороте, смотрелась здесь как грязная лужа на паркете бального зала.

Дом номер тринадцать оказался высоченной башней с зеркальными окнами. Привратник — пожилой гном с окладистой бородой, заплетенной в десяток косичек с рунными бусинами, окинул меня подозрительным взглядом.

— К господину Вэлшу? — переспросил он, сверившись с амулетом-пропуском. — Седьмой этаж, квартира семьдесят семь. Подъемник по левую руку. Только вы это... — он замаялся, понизив голос. — Если увидите дым, не пугайтесь. Это у них норма.

Я нервно хихикнула и направилась к подъемному столбу — прозрачной капсуле, которая двигалась без единого звука. Ни кнопок, ни рычагов. Просто вошла, назвала этаж и она поплыла вверх. В обычных домах таких техномагий не было, конечно.

За последние двадцать лет прогресс шагнул очень далеко, но в богатых домах он почти бежал вперед, подгоняемый желанием всепоглощающего комфорта сильных мира сего.

Дверь семьдесят седьмой квартиры была массивной, обитой темным деревом с железными заклепками. Я занесла руку, чтобы постучать, но дверь распахнулась сама, едва не сбив меня с ног порывом ветра.

На пороге стоял очень высокий мужчина. Настолько, что мне пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть его лицо. Широкие плечи, обтянутые простой черной рубашкой с закатанными до локтей рукавами, открывающей жилистые предплечья в сетке старых шрамов.

Растрепанные темные волосы, придающие ему слегка озорной вид. Острые скулы, твердый подбородок, плотно сжатые губы, и черная кожаная повязка, наискось пересекающая левую половину лица и закрывающая левый глаз.

“Легкая инвалидность по зрению”, — всплыл в памяти отрывок из объявления.

Правый же глаз обладал вертикальным драконьим зрачком (ух ты, настоящий дракон) цвета расплавленного золота и в данный момент впился в меня с таким недовольством, что я на мгновение забыла, зачем вообще сюда пришла.

— Еще одна, — произнес он низким, чуть хрипловатым голосом, в котором злобы было чуть меньше, чем усталой обреченности. — Лекс окончательно спятил. Теперь он присылает детей.

— Я не ребенок, — возмущенно вскинув брови, возразила я. — Мне двадцать пять.

Дракон фыркнул. Буквально. Из ноздрей вырвалась тонкая струйка дыма — видимо, эмоции зашкаливали.

— Двадцать пять, — повторил он с таким презрением, будто это было неприличное слово. — Ты еще на горшке сидела и лепила куличики из песка, а я уже во всю ловил самых отъявленных преступников этого города. Что ты можешь знать о жизни, девочка?

— Например, то, что вы стоите на пороге и не пускаете меня в дом, хотя сами же дали объявление о найме, — спокойно ответила я, хотя сердце колотилось с такой силой, что казалось сейчас выскочит прямо в руки этому грубияну.

Он прищурил свой единственный глаз.

— Я не давал никаких объявлений, — устало отмахнулся мужчина. — Это Лекс. Лично мне нянька не нужна. Мне нужен покой, тишина и чтобы никто не портил мою еду. С первыми

тремя кандидатками я разобрался быстро. Четвертая сбежала сама, когда я пригрозил ей, что если она не перестанет сверкать своим Зеркальцем у меня перед носом, я засуну ей его...

Он запнулся, не договорив, и бросил на меня подозрительный взгляд и слегка повел носом.

— Ведьма... — он скривился так, будто съел лимон целиком. — Слабенькая, тощая, да еще и молодая. Что ты умеешь? Заклинать носки от грязи?

Я открыла рот, чтобы ответить, но он уже развернулся и пошел внутрь, бросив через плечо:

— Уходи. Мне не нужна сиделка.

Дверь осталась открытой. Я постояла пару секунд, раздумывая. С одной стороны, меня только что грубо выставили за порог, даже не дав шанса. С другой — я видела его лицо. Не только шрамы и повязку, а глубокую, застарелую усталость, голод и одиночество, которое он пытался прикрыть грубостью, как старым плащом.

“Возможно, этому человеку, то есть дракону, нужна не сиделка, а друг”, — мелькнула дурная спасательская мысль, за которую бабушка оторвала бы мне мою ведьмину голову.

Она всегда говорила:

“Хочешь кого-то спасти — спаси себя!”

Это воспоминание меня немного привело в чувство и я решила, что двадцать грошей в кармане, бабушка, которой необходимо лечение и перспектива ночевать в самоходке под весенним дождем — это прекрасный повод для того, чтобы открыть рот и все-таки напроситься на эту работу.

“Даже если этот дракон меня съест — это будет меньшей из моих проблем”, — отрешенно подумала я и шагнула внутрь.

Квартира была огромной и дорогой. Высокие потолки, панорамные окна, светлая мебель из светлого дерева, мягкие ковры на полу. Но все это великолепие выглядело... нетронутым. Как будто здесь никто не жил, а только существовал, стараясь ничего не касаться.

Мужчину я нашла на кухне, он стоял, мрачно уставившись на Рунную Гладь. На плите стояла обычная чугунная сковородка, а в ней лежал здоровенный кус сырого мяса, одинокая луковица и пара картофелин. Видимо, кто-то заботливо оставил ему продукты, но объяснить, как ими пользоваться, забыл.

Он протянул руку к панели управления. Рунная Гладь зашипела, заискрилась синими всполохами и обиженно погасла. Дракон отдернул руку, как от укуса гадюки.

— Проклятая стекляшка, — прорычал он. — В мое время чтобы приготовить ужин, нужно было просто воткнуть вилку в розетку, а не уговаривали камень нагреться.

— Она просто не понимает вашу ауру, — сказала я, подходя ближе. — Рунная Гладь — тонкий артефакт. Она настроена на спокойный магический фон. А у вас он... эм... довольно бурный.

Он резко обернулся.

— Ты еще здесь? — прищурившись, спросил мужчина. — Я же сказал — уходи.

— Вы сказали, что вам не нужна нянька, — решила идти в наступление я. — Но я и не нянька. Я просто ведьма, которая умеет готовить на любой плите. Даже на той, которая вас боится.

Он уставился на меня с таким выражением, будто я предложила ему станцевать вальс на городской площади голышом.

— Ты умеешь готовить? — переспросил он. — На этой шипящей дряни?

— Да, — спокойно ответила я и решительно подошла к Рунной Глади, пока он не успел меня остановить.

Аккуратно положила ладонь на панель управления, шепнула простенькое бытовое заклинание, которому меня научила бабушка. Его суть была в том, что с техникой надо разговари-

вать, как с живой. Рунная Гладь мигнула, но не заискрилась. Я мысленно поблагодарила свой слабенький магический фон, который для этой капризной штуки оказался идеальным.

— Видите? — сказала я, поворачиваясь к дракону. — Она просто хочет, чтобы с ней обращались вежливо. А теперь дайте мне немного времени и вы поужинаете.

Он молча смотрел, как я мою картофелины, чищу лук, нарезаю мясо. В его единственном глазу читалось недоверие пополам с любопытством. Я делала вид, что не замечаю, хотя спина покрылась мурашками от ощущения этого тяжелого золотого взгляда.

Через пятнадцать минут по квартире поплыл запах жареного мяса с луком и картошкой. Никакой сложной магии, только соль, перец, щепотка сушеного тимьяна, найденная в шкафчике, и бабушкин секрет: капля меда в самом конце, чтобы мясо заблестело и карамелизовалось.

Я положила еду на тарелку, достала из хлебницы краюху черного хлеба и поставила блюдо перед драконом.

— Ужин готов, — сказала я. — Попробуйте.

Он долго смотрел на тарелку. Потом перевел взгляд на меня.

— Если это отрава, я сожгу тебя на месте, — предупредил он.

— Если бы я хотела вас отравить, то просто не стала бы помогать, — не удержалась я. — И со своей кончиной вы бы справились сами.

Он хмыкнул, кажется, впервые за вечер. Взял вилку, отрезал кусочек мяса и отправил в рот.

Я затаила дыхание, настолько этот процесс показался мне волнительным и даже интимным. Просто я никогда раньше не готовила для мужчины.

Медленно шевеля челюстью, он прожевал мясо и замер. Золотой зрачок расширился так резко, что я даже невольно вздрогнула. Потом он отрезал второй кусок, третий, подцепил картофелину, обмакнул хлеб в соус.

Ел молча, сосредоточенно, как человек, который очень долго не ел нормальной горячей еды.

Когда тарелка опустела, он откинулся на спинку стула и впервые за вечер посмотрел на меня без агрессии. Просто смотрел — долго, изучающе.

— Кэллитан, — сказал он наконец. — Меня зовут — Кэллитан Хейз. Можешь звать меня просто Кэл, ведьма.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты принята на работу, — добавил он и встал из-за стола. — Твоя комната в конце коридора, закрывается изнутри. Завтрак в семь утра. Не опаздывай!

И он скрылся в глубине квартиры, оставив меня одну на кухне с пустой тарелкой и громко колотящимся сердцем.

Глава 3.

Утро началось с паники, потому что проснулась я в незнакомой комнате, на незнакомой кровати, и несколько секунд просто смотрела в белый потолок, пытаясь осознать, где нахожусь и почему пахнет не бабушкиными пирогами, а новой мебелью и легким дымком.

Потом память вернулась. Квартира в Трейтен Фолл, хмурый дракон и требование приготовить завтрак в семь утра.

Я подскочила как ужаленная и схватила Зеркальце с прикроватной тумбы. Половина седьмого. Хвала всем богам и духам домашнего очага — успеваю.

Быстро умывшись и выудив из своей котомки самую приличную футболку и шорты, я отправилась готовить завтрак.

На кухне было тихо. Кэл еще не выходил из своей комнаты, и я могла спокойно осмотреться. Вчера вечером, после его царственного “ты принята”, я была слишком вымотана, чтобы изучать обстановку. Теперь же, при свете утреннего солнца, льющегося через панорамные окна, кухня выглядела почти дружелюбно.

На полках и в холодильном шкафу я нашла все необходимое для завтрака: яйца, бекон, свежий хлеб, масло, даже баночку сметаны и пучок зелени.

“Тот, кто поселил сюда этого неотесанного дракона, явно знал толк в закупках”, — признательно подумала я про себя.

А еще я обнаружила кофе. Настоящий, молотый, в жестяной банке с рунной печатью сохранности.

Рунная Гладь сегодня вела себя на удивление смирно. То ли уже привыкла ко мне, то ли мое утреннее настроение было достаточно спокойным, чтобы не раздражать ее чувствительные руны.

Я вскипятила воду в медной турке, заварила кофе по бабушкиному рецепту с щепоткой корицы и крошечной каплей меда. По квартире поплыл теплый, обволакивающий запах, обещающий, что день будет хорошим.

Бекон шкворчал на сковороде, яйца растекались золотистыми лужицами, хлеб подрумянивался на решетке, а я тихонько напевала себе под нос, помешивая все это лопаткой.

— Пахнет вкусно, — неожиданно раздалось хриплое у меня из-за спины.

Я вздрогнула и обернулась. Дракон стоял в дверях кухни, оперевшись о косяк и скрестив руки на груди.

Сегодня он был в темно-синей льняной рубашке и темных брюках. С влажных после душа волос, медленно падали капли воды на могучие плечи, а здоровый глаз казался настроенным дружелюбно.

Выглядел Кэллитан... ну, если честно, он выглядел так, что у любой нормальной ведьмы подкосились бы колени. Но я напредила себе, что он дракон, грубиян и мой работодатель, и сосредоточилась на беконе.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Завтрак почти готов. Присаживайтесь.

Он сел за стол, не сводя с меня своего единственного золотого глаза. Я поставила перед ним тарелку с яичницей, беконом и гренками, а рядом большую кружку кофе.

Кэл взял кружку, поднес ее к лицу и с наслаждением вдохнул кофейный аромат. Его бровь (единственная видимая) чуть приподнялась.

— Кофе, — произнес он с ноткой удивления. — Настоящий. Я думал, в этом вашем новом мире все пьют какую-то бурду из пакетиков.

— В этом вашем новом мире, — передразнила я, раскладывая свою порцию, — можно найти все, что угодно, если знать, где искать.

Я села напротив, поставила свою кружку и уже хотела потянуться за Зеркальцем, которое оставила на противоположной стороне стола, чтобы положить его рядом с тарелкой и посмотреть последние новости.

Это была привычка, выработанная годами ведения сказаний. Вдруг придет важное сообщение? Или кто-то из смотрильщиков напишет? Или позвонят из больницы на счет бабули?

Кэл сделал глоток кофе, одобрительно хмыкнул и, не глядя, поставил свою кружку прямо на мое Зеркальце.

На мой единственный рабочий инструмент. На мою связь с миром. На хрупкую, чувствительную к влаге и давлению магическую пластину, которая стояла мне трех месяцев экономии.

— Вы что делаете?! — взвизгнула я, поднимая его кружку и выхватывая Зеркальце. На экране уже расплзался мутный отпечаток от кружки, а в углу замерцала тревожная руна “Повреждение матрицы”.

Кэл посмотрел на меня с искренним недоумением.

— Это же просто стекляшка, — сказал он. — Чего ты так всполошилась?

— Это не стекляшка! — возразила я, бережно протирая экран рукавом. — Это Гладь-Зеркальце! Оно стоит кучу денег и в нем вся моя работа, все сказания, все контакты! На него нельзя ставить горячие кружки!

— В мое время письма писали на пергаменте, — фыркнул он. — И если на пергамент проливали кофе, его просто вытирали. И он продолжал работать.

— А в мое время, — огрызнулась я, все еще в панике проверяя работоспособность экрана, — пергаментом пользуются только те, у кого нет денег на нормальную бумагу. И пожалуйста, больше никогда не ставьте ничего на мое Зеркальце!

Кэл откинулся на спинку стула и посмотрел на меня с ленивым интересом.

— У тебя есть характер, ведьма, — сказал он и мне показалось, что в его голосе промелькнуло уважение. — Это хорошо и даже забавно. Пригодится.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Зеркальце, к счастью, работало. След от кружки на экране постепенно исчезал. Руна тревоги погасла. Кажется, обошлось.

— Давайте обсудим условия работы, — сказала я, решив, что лучший способ не сорваться — это перевести разговор в деловое русло.

Кэл кивнул и отпил еще кофе, на этот раз аккуратно поставив кружку на стол, подальше от моих вещей.

— Условия простые, — начал он. — Ты готовишь мне еду. Три раза в день. Завтрак, обед, ужин. Еда должна быть горячей, сытной и вкусной. Никаких техномагических штучек — только руки, огонь и нормальные продукты.

— Принято, — кивнула я.

— Ты следишь за порядком в квартире, — продолжил дракон. — Я не свинья, но убираться терпеть не могу. Полы, пыль, посуда — это на тебе.

— Принято, — согласилась я, понимая, что почти ничего из этого мне не придется делать самой, потому что в этой квартире была вся необходимая техника для уборки.

— Ты не трогаешь мои вещи, — обозначил Келлитан следующие условия. — Не задаешь лишних вопросов. Не лезешь в мою комнату. Не пытаешься меня “разговорить” или “вывести на эмоции”. Я не твой подопечный, я твой работодатель.

— Принято, — не стала спорить я.

— Все взаимодействие с этим вашим... прогрессом, — он поморщился, — ты берешь на себя. Если нужно что-то заказать, оплатить, вызвать, связаться с Лексом — это делаешь ты. Я к этой светящейся дряни не прикаснусь.

— Принято, — повторила я и сделала паузу. — У меня тоже есть условие.

Он приподнял бровь.

— Мне иногда нужно будет отлучаться, — озвучила я и пояснила. — У меня бабушка в больнице. Я должна ее навещать. Это не займет много времени, но я не могу бросить ее.

Кэл долго смотрел на меня. В золотом глазу мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Бабушка, — повторил он. — Бабушка — это хорошо. Можешь уходить, когда нужно, но предупреждай. И не опаздывай к обеду.

Я выдохнула с облегчением.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, отметив про себя, что не такой уж он и ужасный, этот дракон.

— Не за что, — Келлитан допил кофе и встал. — Это был хороший завтрак, ведьма. Продолжай в том же духе.

— Джослин, — отозвалась я. — Меня зовут Джослин.

Дракон взглянул на меня исподлобья и, мне показалось, слегка ухмыльнувшись, кивнул. Затем развернулся и, не говоря ни слова, ушел.

А я еще немного посидела на кухне, глядя в окно на белые башни Трейтен Фолл. Кажется, у нас получилось договориться и эта работа не такая уж катастрофа. Возможно, я даже справлюсь.

Оставалось только навестить бабушку и, наверное, все ей рассказать.

Больница Святого Парацельса встретила меня привычным запахом лекарственных настоек и полыни. Я поднялась на третий этаж, в палату номер семнадцать, и замерла на пороге.

Бабуля спала. Ее лицо, обычно такое живое и хитрое, теперь казалось восковым. Морщины стали глубже, дыхание — тихим и редким. Я присела на край кровати и взяла ее руку.

— Привет, ба, — прошептала я, аккуратно поглаживая ее ладонь. — У меня теперь работа. Очень странная, но хорошо оплачиваемая. Я готовлю для одного дракона. Представляешь? Настоящий дракон. Ворчливый, грубый, но ест все подчистую. С твоей любовью накормить всех вокруг, ты бы им гордилась.

Она не ответила, только веки чуть дрогнули. Мне хотелось обнадежить ее, сказать, что я со всем разберусь. Что верну квартиру и мы с ней заживем, как раньше и даже лучше. Но я не нашла в себе смелости на это.

Ба была единственным моим близким человеком. Она вырастила меня после того, как родители погибли в том пожаре. И я не могла потерять ее. Не сейчас, когда весь мой мир снова рухнул в одночасье.

Я посидела еще немного, сжимая ее руку и говоря успокаивающие слова, и вышла в коридор.

Тот самый врач с усталым лицом и вечно подрагивающим веком ждал меня у поста медсестры.

— Госпожа Рид, — начал он, и по его тону я сразу поняла, что ничего хорошего он мне не скажет. — Мы провели дополнительные обследования. У вашей бабушки угасание Сердечной Жилы прогрессирует быстрее, чем мы рассчитывали.

— Что это значит? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Это значит, что ей нужна операция, — подтвердил мои догадки доктор. — И чем быстрее, тем лучше. В ближайшие пару-тройку дней. Если не успеть, Сердечная Жила разорвется. И тогда мы уже ничего не сможем сделать.

— Сколько? — мой голос прозвучал глухо, как из бочки.

Он назвал сумму. Она была ровно в три раза больше той, что я рассчитывала заработать за месяц работы у дракона. Даже с учетом щедрой оплаты, мне нужно было где-то найти еще два раза по столько же.

— Я поняла, — сказала я, чувствуя, как внутри все холодеет. — Спасибо.

Выйдя из больницы на ватных ногах, я села в самоходку и долго сидела, глядя в одну точку. Потом завела мотор и поехала обратно в Трейтен Фолл.

В голове крутилась только одна мысль:

“Где мне так быстро взять столько денег?”

Глава 4.

Вернувшись на рабочее место к обеду, я машинально принялась готовить еду для злого и голодного дракона, который, хвала богам, не показывался в зоне видимости. Возможно, его вообще не было в квартире.

Мне нужно было чем-то занять руки, чтобы не думать о сумме, названной врачом, о бабушке, о двух-трех днях, которые таяли как весенний снег. О том, что я абсолютно никчемное существо, которое к двадцати пяти годам не обзавелось нормальной работой и не имело абсолютно никаких сбережений.

Точнее сбережения у меня были, но они ушли на лечение двух предыдущих сердечных приступов. Если бы меня кто-нибудь предупредил, что старость окажется такой затратной, я бы начала копить еще с яслей.

Я достала из холодильного шкафа мясо, овощи и зелень. Поставила кастрюлю с водой на Рунную Гладь и включила нагрев.

Мысли крутились по кругу. Где взять денег? Может продать Зеркальце? Нет, без него я не смогу работать.

Занять у кого-нибудь? Но у меня никого не было. Когда я начала вести сказание, все друзья посчитали, что я занимаюсь ерундой и перестали со мной общаться.

Единственным моим другом и поддержкой была бабуля, но и она сейчас вышла из строя.

Может, найти вторую работу? Ночную? Вряд ли дракон заметит мое отсутствие. Но на какой приличной работе я за два дня заработаю такую сумму? Правильно, только на неприличной.

Я резала лук, не глядя и совершенно не обращая внимание на то, что луковичные, а может и мои собственные, слезы текут рекой.

Высыпала в кастрюлю соль, перец и какие-то травы, которые нашла в шкафу. Все делала на автомате, пока в голове прокручивались варианты, один безнадежнее другого.

Мясо отправилось на сковороду, на которую я, конечно же, забыла добавить масло. Оно тут же прилипло к чугуну и начало подгорать. Спohватившись, я плеснула туда воды, получила облако пара в лицо и злобное шипение Рунной Гладь.

Пока боролась с мясом и сковородкой, забыла добавить лавровый лист. Забыла вообще все, чему меня учила бабушка.

Когда Кэл зашел на кухню, я как раз раскладывала по тарелкам получившийся суп.

— Обед готов, — сказала я безжизненным голосом и поставила тарелку перед ним.

— А ты пунктуальная, ведьма, — выдал он что-то похожее на похвалу, но я даже не обратила на это внимание.

Келлитан сел, взял ложку, зачерпнул суп и отправил ее в рот. Дракoний нос поморщился, а рука с пустой ложкой так и осталась висеть в воздухе у лица.

Здоровая часть лица Кэла медленно вытянулась, а золотой глаз расширился от ужаса. Он проглотил содержимое с видимым усилием и уставился на меня.

— Что? Это? Такое? — спросил дракон, чеканя каждое слово.

— Суп, — машинально ответила я и только сейчас взглянула на то, что за варево у меня получилось.

Мясо было сухим и подгоревшим и выглядело, как мелко нарезанная подошва сапога. Овощи разварились в безвкусную кашу. Бульон в супе был мутным и отдавал горелым луком.

— Суп?! — Он отодвинул тарелку и схватив вилку, ткнул в мясо. Кусок отскочил от тарелки и упал на стол с глухим стуком. — Это не суп. Это оскорбление! Это кулинарное преступление. Это...

Он попробовал овощи и тут же выплюнул их обратно в тарелку.

— Ты все-таки решила меня отравить?! — зарычал он, вскакивая из-за стола. — Я же предупреждал, что сожгу тебя на месте!

— Это не отравка, — тихо пробормотала я, пытаюсь найти этому хоть какое-то логическое оправдание, но оно не находилось. — Я просто... просто...

— Просто что?! — Он навис надо мной, и от него волнами исходил жар. — Я взял тебя на работу, потому что ты показала, что умеешь готовить! Потому что вчерашний ужин был съедобным! А сегодня ты подаешь мне это?!

Он схватил тарелку и с грохотом поставил ее обратно на стол, так что брызги от супа разлетелись по всему столу.

— Не знаю, к чему был этот цирк с ужином и завтраком, — шипя на меня, раздраженно продолжал дракон. — Но если тебе негде ночевать, ведьма, то у меня не притон для нерадивых кухарок! Я не обязан терпеть это в своем доме! Ты уволена! Забирай свои вещи и убирайся!

Я стояла и смотрела на него. На его пылающий гневом глаз, на сжатые кулаки, на повязку, за которой скрывался шрам. Смотрела и чувствовала, как внутри трещит по швам последняя нервная клетка, держащаяся до сегодняшнего дня на соплях, которые я не позволяла себе распускать.

Сначала очередной бабушкин приступ, потом эти корыстники с документами на квартиру, врач с нереальной суммой на операцию. А теперь еще и это.

Я открыла рот, чтобы ответить, но вместо слов из горла вырвался сдавленный всхлип. А следом у меня из глаз, заливая щеки, нос и подбородок, потоком хлынули горячие, неконтролируемые слезы.

Я рыдала громко, навзрыд, как не рыдала с детства. Плечи тряслись, руки безвольно повисли и я даже не пыталась остановиться, потому что сил уже не было.

Глава 5.

Келлитан

Я смотрел на эту мелкую ведьму и не понимал, что происходит.

Только что она стояла передо мной, бледная, с бегающими глазами, и подавала мне обед, который даже голодный пес бы есть не стал. А теперь она рыдает. Громко, навзрыд, размазывая слезы по щекам и совершенно не заботясь о том, как это выглядит со стороны.

Я ненавидел женские слезы всеми жабрами своей драконьей души. В мое время, если женщина плакала, это означало, что случилось что-то действительно страшное: война, смерть, предательство. И я знал, что делать в таких случаях — найти виновного и наказать.

Но что делать, когда женщина плачет из-за того, что ты накричал на нее за испорченный суп — я понятия не имел.

— Прекрати, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но без угрозы. — Я не это имел в виду. То есть это, но... Прекрати реветь, сейчас же!

Но она не прекратила. Наоборот, всхлипы стали громче, плечи затряслись сильнее, а из носа потекло что-то совершенно неприличное. Я стоял как истукан, чувствуя себя самым беспомощным драконом во всем мире.

Я мог бы прикрикнуть. Рывкнуть так, чтобы стены задрожали — это я умел. Мог бы хлопнуть дверью и уйти в свою комнату, оставив ее разбираться с истерикой самостоятельно. Мог бы даже выставить ее за дверь, как и грозился.

Но я стоял и смотрел, как она плачет, и внутри меня неприятно заскреблось старое, ржавое, давно не использовавшееся чувство, которое я давным давно вычеркнул из своей жизни.

Двадцать лет в Саркофаге Вечного Полудня. Двадцать лет без чувств, без эмоций, без жизни. А теперь какая-то тощая бытовая ведьма стояла на моей кухне и рыдала так, будто мир рушился, и я, бывший генерал Небесного Предела, не знал, что с ней делать.

Я неуклюже и очень осторожно похлопал ее по плечу. Она вздрогнула, но не отстранилась. Я похлопал еще раз, уже чуть смелее.

— Ну, хватит, — уже мягче сказал я. — Перестань лить слезы, пока мы оба не утонули и объясни уже, в конце концов, что случилось.

Она подняла на меня заплаканные глаза. На секунду я нырнул в их зеленую, как весенняя листва после дождя, глубину и даже забыл, что происходит вокруг. Но Джослин шмыгнула носом и оцепенение спало.

— Бабушке нужна операция, — рваными движениями, размазывая слезы по лицу, начала рассказывать она. — Очень дорогая. А у меня нет таких денег. У меня никаких нет. И я не знаю, где их взять, поэтому и устроилась на работу. И когда вы сказали про обед, я просто... я думала об этом и не заметила, что готовлю. Простите. Я правда не хотела вас отравить, просто...

Ведьма не договорила и снова зашлась в рыданиях.

“Да, что ж ты будешь делать-то?” — мысленно выругался я и нахмурился еще больше.

Про бабушку я помнил. Зачем-то. Она говорила про нее за завтраком. Тогда я не придавал этому большого значения, только подумал, что в этой представительнице современной молодежи еще не все потеряно, раз она ухаживает за старушкой. В мое время это называлось — уважительное отношение к старшим.

— Садись, — сказал я, указывая на стул и протягивая Джослин салфетку. — Вытирай сопли и рассказывай все по порядку.

Она села, все еще всхлипывая и так по-детски нелепо вытирая нос рукавом, хотя взятую у меня салфетку, нервно теребила в другой руке. Я налил в стакан воды из кувшина и поставил перед ней. Она выпила залпом, чуть успокоилась и начала говорить.

И чем дольше Джослин говорила, тем сильнее во мне закипала ярость. Только теперь не на нее, а на тех, кто довел эту девчонку до такого состояния.

Корыстники не были чем-то новым. В мое время их тоже было хоть отбавляй, только работали они грубее. Но вот магический патруль, который “обязательно разберется”, но почему-то до сих пор даже штанами не пошевелил вызывал непреодолимое желание наступать Вэлшу по голове за то, что развел попустительство.

Я слушал и чувствовал, как внутри просыпается острое, горячее, вибрирующее чувство на кончиках пальцев.

Азарт.

Я помнил это чувство. Двадцать лет назад, когда я возглавлял стражу, каждое новое дело начиналось именно с него. Сладкое предвкушение охоты. Ментальный щелчок, после которого мир сужался до одной цели: найти, догнать, наказать.

Я думал, что потерял это навсегда. Думал, что двадцать лет в Саркофаге выжгли из меня все, кроме злости и голода.

Каждое утро я просыпался в этой проклятой квартире, напичканной жужжащими артефактами, и не видел смысла даже выходить на улицу. Мир изменился, стал чужим и непонятным.

Большая часть тех, кого я знал раньше, отпала сама собой, когда поняла, что из комы я, возможно, не вернусь. Друзья либо умерли, либо состарились и смотрели на меня как на призрака.

Мои навыки, знания, инстинкты — все это казалось ненужным хламом в эпоху Лунного Пряжева и Гладь-Зеркалец.

Но сейчас, слушая сбивчивый рассказ этой маленькой беззащитной ведьмы о двух подонках, я вдруг остро осознал, что это — мое. Это то, что я умею. То, в чем я всегда был хорош.

Корыстники не знают, кто я. Они не ждут, что кто-то начнет охоту на них. Они привыкли к тому, что жертвы либо боятся, либо надеются на магический патруль, который увяз в бюрократии и коррупции по самые уши.

А я не боюсь и я не патруль.

Я — дракон, который двадцать лет провел в коме и теперь жаждет размять крылья.

План начал складываться в голове сам собой.

— Вытирай слезы, ведьма, — сказал я, поднимаясь из-за стола. — И собирайся.

Джослин уставилась на меня с непониманием. Слезы еще блестели на ее щеках, красный нос забавно подрагивал, но в опухших глазах мелькнула искра любопытства.

— Куда?

— В засаду, — ответил я и, кажется, впервые за долгое время улыбнулся. Улыбка вышла кривоватой — левая половина лица, стянутая шрамами под повязкой, слушалась плохо, но я чувствовал, как уголок губ пополз вверх почти против воли. — Мы едем ловить твоих корыстников.

Глава 6.

— А можно подробнее про засаду? — всхлипывая, уточнила я, когда Кел, взяв с вешалки кожаную куртку, вывел меня из квартиры и решительно направился к лифту.

Слезы уже почти высохли, но в груди осталась неприятная смесь стыда за истерику и благодарности за то, что меня не вышвырнули на улицу.

— Куда мы едем? — спросила я, забегая следом за ним в подъемник.

— В Тенистый квартал, — бросил он через плечо.

Я кивнула, хотя Тенистый квартал вызывал у меня смутную тревогу. Это был старый район, куда не дотянулись шупальца Лунного Пряжева и где до сих пор работали лавки с “неучтенными” артефактами.

Бабушка когда-то рассказывала, что в молодости заходила туда за редкими ингредиентами, но меня с собой никогда не брала.

Говорила: “Не место там для юной ведьмы с доверчивыми глазами”.

Мы вышли из башни и направлись к моей самоходке, стоящей у тротуара. Кел, который до этого шагал впереди, вдруг остановился и уставился на повозку.

Я замерла, ожидая очередной порции презрения. Сейчас он скажет, что это не самоходка, а консервная банка на колесах. Или что в его время на таком только навоз возили. Или...

— Это твоя? — спросил он странным голосом.

— Моя, — осторожно ответила я. — Старая, конечно, но...

— Старая? — перебил Кел и сделал шаг ближе. — С ума сошла? Это же классика. “Карна-3”, модель до Перелома. Ручное управление, без этой светящейся ерунды на панели. Чугунный двигатель на магической тяге, а не на батарейках. Я думал, таких уже не осталось.

Я смотрела на него во все глаза. Дракон, который еще недавно рычал на меня за испорченный суп, теперь стоял и с почти детским восторгом разглядывал мою развалюху.

— Вы... разбираетесь в самоходках? — вырвалось у меня.

— В мое время я водил “Велес-7”, — ответил он, проводя ладонью по капоту так, будто гладил породистого скакуна. — Жесткая сцепка, ручной тормоз, никаких артефактов-помощников. Вот это был аппарат. Не то, что этот... — он кивнул в сторону стоящего неподалеку новенького седана с мягкими обводами, — это не самоходка, а карета для изнеженных бездарей.

Я невольно улыбнулась. Впервые за все время нашего знакомства Кел выглядел не злым, а живым и даже каким-то увлеченным.

— Давай ключи, — вдруг потребовал он, протягивая руку.

— Что? — я инстинктивно прижала связку к груди. — Зачем?

— Я поведу, — сказал он таким тоном, будто это было само собой разумеющимся.

— Но... — я запнулась и невольно взглянула на его черную повязку, что скрывала левый глаз.

Келлитан мгновенно понял, куда я смотрю. И его лицо, только что светившееся почти мальчишеским азартом, застыло в возмущении. Уголок губ дернулся, а единственный золотой глаз потемнел.

— У меня только один глаз не видит, ведьма, — произнес он ледяным язвительным тоном. — А не все органы чувств атрофированы. Поверь, эти руки помнят, как держать руль. Или ты думаешь, что калека не способен управлять транспортом?

И тут мне стало стыдно за свое малодушие. До жгучего, обжигающего ощущения, которое прилило к щекам и заставило опустить глаза.

— Простите, — пробормотала я. — Я не хотела... Я просто...

— Просто что? — его голос стал тише, но острее. — Просто увидела повязку и решила, что я немощный инвалид? Что меня нужно жалеть и оберегать?

— Нет! — я вскинула голову и посмотрела ему прямо в глаз. — Я не жалею вас. Я просто... испугалась. За вас. И за себя. Потому что если мы разобьемся, бабушке некому будет помочь.

Он долго и пристально смотрел на меня. Потом уголок его губ снова дернулся в чем-то похожем на улыбку.

— Мы не разобьемся, обещаю! — сказал он мягче, слегка наклоняясь ниже ко мне. — Я не для того двадцать лет мариновался, чтобы очнуться и бездарно разбиться. Давай ключи, ведьма.

Дракон игриво подмигнул мне здоровым глазом и раскрыл у меня перед носом свою широкую ладонь.

Я вздохнула и протянула ему связку. Он взял ее и уселся за руль. Двигатель заурчал с первой попытки. Моя старушка Карна, казалось, узнала в драконе родственную душу.

Кел провел ладонью по рулю, поправил зеркало заднего вида и вдруг... улыбнулся. Широко, открыто, по-настоящему. Левая половина лица, стянутая шрамами под повязкой, почти не двигалась, но правый глаз сиял так, что у меня перехватило дыхание.

— Ну, поехали, — сказал он и нажал на педаль.

Самоходка плавно и уверенно тронулась с места, словно у водителя не было двадцати лет забвения, словно он только вчера якорил свой “Велес” у казармы Небесного Предела.

Я вцепилась в сиденье, ожидая худшего, но через минуту расслабилась. Келлитан вел самоходку лучше, чем кто-либо. Плавно, уверенно, чувствуя каждый поворот и каждую неровность дороги.

— А вы хорошо водите, — вырвалось у меня.

— Я все делаю хорошо, ведьма, — ответил он, не отрывая взгляда от дороги и подумав, добавил: — Кроме общения с этой вашей светящейся дрянью.

Я хмыкнула и отвернулась к окну. Трейтен Фолл с его белыми башнями остался позади, уступая место старым кварталам с кирпичными домами, увитыми плющом, и тусклыми фонарями на масляных горелках.

Тенистый квартал встретил нас тишиной и запахом сырости. Здесь не было зеркальных витрин и светящихся вывесок, только старые деревянные таблички, написанные от руки. Кел закорил самоходку у трехэтажного дома с покосившейся крышей и заглушил двигатель.

— “Драконий рык”, — прочитала я надпись над обшарпанной дверью. — Что это за дыра?

— Это не дыра, ведьма, а шинок, где кантуются гнусные типы, — недовольным тоном ответил дракон. Его явно напрягало, что все приходится объяснять. — Что-то вроде профсоюза корыстников, поджигателей, насильников и прочего сброда. И здесь можно найти сведения, которых нет в вашем Пряжеве.

— Профсо... что? — не поняла я.

Келлитан на секунду замер, взглянув на меня крайне осуждающе, затем тяжело вздохнул, словно на его плечах лежала вся тяжесть этого мира, закатил единственный глаз, недовольно покачал головой и отвернулся, так ничего и не объяснив.

— Это как-то связано с моей ситуацией? — не унималась я, чувствуя как внутри тревога борется с, не пойми откуда взявшимся, азартом. — Или вы просто соскучились по таким местам?

— Твои шутки не уместны, ведьма, — фыркнул дракон, поправляя ворот кожаной куртки. — Если эти двое, что отжали у твоей бабули квартиру, хоть что-то значат в преступном мире, здесь должны о них знать.

Кел вышел из самоходки и я взволнованно спросила:

— А я?

— Что ты? — не понял он, наклоняясь в полуоткрытое окно. — Закрой окна, запри дверь, пригни голову и выключи говорильню, чтобы не потратить потенциал магической тяги.

Под моим пристальным взглядом, дракон выпрямился и пошел в сторону заведения, давая понять, что разговор окончен.

Но сидеть одной ночью в этом неблагополучном районе, мне было очень страшно. Страшнее, чем послушаться огромную огнедышащую рептилию, поэтому я вышла следом и, закрыв Карну на ключ, пошла за Келлитаном.

— Ведьма, сиди в самоходке, — не оборачиваясь бросил дракон.

— Я не хочу сидеть здесь, — стараясь сделать так, чтобы мой голос звучал уверенно, возразила я.

— Если бы меня предупредили о том, что через двадцать лет ведьмы станут такими непослушными, — останавливаясь и возмущенно глядя на меня, проворчал Кел. — Я бы попросил вернуть меня обратно в саркофаг.

— Извините, — тут же смутилась я. — Просто я... я боюсь.

— Чего? — раздраженно спросил дракон.

— Остаться одной в самоходке ночью в этой дыре, — честно призналась я, опустив глаза вниз.

Келлитан завис, словно пытаюсь осмыслить то, что я сказала. Недовольно поджал губы, нахмурился, затем кивнул своим мыслям и неохотно проскрипел:

— Распусти волосы.

— Что? — не поняла я.

— Ты выглядишь так, словно сбежала из института благородных девиц, ведьма, — ворчливо пояснил дракон. — Поэтому либо распускай волосы и делай вид, что ты блудница, либо возвращайся в самоходку и не мешай мне решать твои проблемы.

Решив, что спорить с древней рептилией, наверное, не самая лучшая затея, тем более, что он прав и мы идем решать мои проблемы, я распустила свой пучок и, наклонив голову вниз, растрепала волосы.

Потом резко подняла голову обратно и мои длинные, слегка волнистые, светло-русые волосы упали на плечи в легком беспорядке.

— Готово, — отчиталась я и заметила, как золотой драконий глаз вспыхнул вертикальным зрачком и тут же померк.

— Хороша, чертовка! — издав цокающий звук, прорезюмировал Келлитан, глядя на меня, чем заставил мои щеки слегка залиться краской смущения.

Дракон подошел ко мне, крепко приобнял меня за талию и притянул к себе.

— Что вы...? — хотела уже возмутиться я, но он перебил меня.

— Притворись, что ты без ума от меня и веди себя слегка фривольно, ведьма, — подмигнул мне здоровым глазом мой работодатель. — И я заранее прошу прощения за все сальные взгляды, которые ты там на себеловишь.

— Я ваше прикрытие? — наконец, догадалась я.

Иногда я любила смотреть старые фильмы про стражу и преступников. Тайком от бабули, конечно, потому что она такое не одобряла.

— Что-то вроде того, — кивнул дракон. — И не “выкай” мне больше, я чувствую себя старым.

— А вы... — я запнулась и тут же себя поправила, потому что прижимаемая ко мне грудь мужчины недобро зарокотала, — ты, зови меня просто Джо.

— Буду звать тебя Джози, — ответил Келлитан. — Это больше по-девчачьи.

Я кивнула, соглашаясь и мы, в обнимку, спустились по скрипучим ступенькам в полуподвальное помещение. Здесь пахло старым деревом и пряностями. В углу гудел старый холодильный артефакт, на стенах висели пожелтевшие вырезки из газет и чьи-то фотографии в рамках.

За стойкой стоял пожилой мужчина с окладистой седой бородой, заплетенной в две косы с рунными бусинами, и глазами с вертикальными зрачками.

“Дракон-полукровка”, — мысленно определила я по слабому магическому фону.

Он поднял взгляд на Кела и замер. Тряпка, которой он протирал кружку, застыла в воздухе.

— Ах, ты ж, черт чешуйчатый! — выдохнул шинкарь. — Келлитан Хейз. Живой, зараза. А я уж думал, ты там, в своем Саркофаге, на корм червям пошел.

Глава 7.

— Старина Гарр! — усмехнувшись, хриплым голосом ответил Келлитан. — Ты как был фантазером, так им и остался. Неужели ты думал, что я оставлю этот прекрасный мир, — он взглянул на меня и отправил в мою сторону воздушный поцелуй, — без своего пристального внимания?

— Ах ты, старый ловелас! — пройдясь по мне пристальным взглядом, ответил дракону шинкарь Гарр.

Я улыбнулась самой обворожительной улыбкой, на какую была способна, хотя внутри все трепетало от непривычной роли.

Бабушка воспитывала меня в строгих правилах.

“Девушка должна держать спину прямо, взгляд скромно, а сердце под замком”, — постоянно повторяла она.

Сейчас же я стояла, прижавшись к боку мужчины, который годился мне в отцы по магическому стажу, и изображала пустоголовую вертихвостку.

Но, должна признать, было в этом что-то пьянящее. Словно я не просто потомственная ведьма, а героиня тех самых фильмов про стражу, которые бабушка называла “позорной кинематографической шелухой”.

Да и горячая ладонь Келлитана на моей талии, волновала меня чуть больше, чем должна была в рамках тех отношений, которые были между нами.

“Соберись, Джослин! — мысленно поругалась я на саму себя. — Ты здесь по делу. И все, что делает этот вредный ящер исключительно ради правдоподобности прикрытия!”

Гарр отставил кружку, которую протирал, и оперся мощными руками о стойку. Его драконьи зрачки скользнули по мне — цепко, оценивающе, но без похоти. Скорее, как оценщик в ломбарде разглядывает занятную безделушку.

— И кого же ты привел в мое скромное заведение, Хейз? — протянул он голосом, в котором мне послышалась настороженность, прикрытая добродушием. — Никак решил наверстать упущенное за двадцать лет?

— Это Джози, — Кел притянул меня еще ближе, и его ладонь по-хозяйски легла на мое бедро. Я едва не подпрыгнула от неожиданности, но вовремя вспомнила свою роль и только хихикнула, опуская ресницы. — Моя... личная помощница.

Последние слова он произнес с такой многозначительной интонацией, что у меня кончики ушей запылали. Гарр понимающе, но сухохато, хохотнул.

— Личная помощница, значит? — шинкарь перевел взгляд на меня и чуть прищурился. — А ведьмочка-то молоденькая совсем. Где нашел?

— В Пряжеве, — не моргнув глазом соврал Кел и, не дожидаясь приглашения, уселся на высокий табурет у стойки, увлекая меня на соседний. — Удобная штука, оказывается. Можно найти все, что угодно.

Я незаметно поправила волосы, стараясь уложить в голове происходящее. Гарр явно испытывал к Келу смешанные чувства: с одной стороны, радость от встречи со старым знакомым, с другой — глухое, почти незаметное напряжение. Оно сквозило в том, как он слишком тщательно протирал стойку, как его взгляд то и дело возвращался к лицу Кела, будто он пытался прочесть там что-то, скрытое за повязкой и шрамами.

— Чего желаете? — спросил Гарр, возвращаясь за стойку. — Надеюсь, ты не за тем пришел, чтобы устроить тут облаву, как в старые добрые?

— Облаву? — Кел низко и раскатисто рассмеялся. — Гарр, ты меня обижаешь! Я теперь на почетной пенсии. Мне по статусу положено только ворчать на молодежь и пугать соседей

громкими чихами. — Он хлопнул ладонью по стойке. — Налей-ка нам чего-нибудь вкусненького. Как ты умеешь. Отметим мое возвращение в мир живых.

Шинкарь кивнул, но я заметила, как его пальцы на мгновение замерли над бутылками. Он выбирал, но не напиток — он выбирал линию поведения.

— Слыхал, ты долго в отключке был, — сказал Гарр, ставя перед нами две пузатые рюмки с темной, пахнувшей травами жидкостью. — Двадцать лет — немалый срок. Чем теперь думаешь заняться, Хейз? С твоими-то заслугами перед Короной, неужто просто так отошел от дел?

Я пригубила напиток и тут же сморщилась — он обжег горло крепостью и отдавал дымом. Совсем не то, что бабушкины травяные настои. Но я мужественно сделала еще глоток, потому что блудницы наверняка пьют что покрепче и не морщатся.

Кел отсалютовал рюмкой и одним глотком опрокинул себе в рот ее содержимое. Его кадык дернулся, но лицо осталось совершенно невозмутимым.

— Чем займусь? — он откинулся назад, опираясь локтями о стойку, и окинул меня долгим, полным наигранного обожания взглядом. — Буду наверстывать упущенную личную жизнь, Гарр. Двадцать лет в саркофаге — это двадцать лет без женского тепла. Еще один второй шанс мне вряд ли кто-то даст, так что надо успевать.

Он подмигнул мне здоровым глазом, и я снова хихикнула, пряча пылающие щеки за растрепавшимися волосами.

“Прости меня, бабушка, — подумала я про себя. — Твоя внучка сидит в самом грязном шинке города и строит глазки дракону, который недавно грозил сжечь ее на месте”.

Гарр понимающе ухмыльнулся, но ухмылка вышла какой-то слишком уж внимательной. Он оперся о стойку и взглянул на Кела. , :

— И что, совсем не тянет обратно? — с ленцой спросил шинкарь, понизив голос, но я чувствовала, что он заинтересованней, чем хочет казаться. — Не хочется в засаде посидеть, в погоне поучаствовать, подраться, в конце концов? Ты ж у нас всегда был зубастым, Келлитан. Не верю я, что двадцать лет забвения это исправили.

В зале повисла короткая пауза. Кел повернул голову и посмотрел на шинкаря с ленивым прищуром, от которого у меня по спине пробежали мурашки — столько в нем было холодного расчета.

— К чему эти прелюдии, Гарр? — спросил он, растягивая слова. — Если хочешь что-то сказать — говори прямо.

Шинкарь замялся. Его пальцы снова прошли по стойке, протирая невидимое пятно. Я заметила, как дернулся уголок его рта, то ли от раздражения, то ли от неуверенности.

— Нездоровые дела творятся в городе, Хейз, — он наклонился ближе и заговорил тихим, доверительным тоном. — Беспредел откровенный. Люди теряют жилье, деньги, артефакты. А стража будто ослепла разом. Ни одного расследования, ни одной облавы. Как будто кто-то сверху дал отмашку закрывать глаза, — он помолчал, а потом добавил с нажимом: — Мне это... не нравится.

— К чему ты клонишь? — спросил Кел, изобразив невинное удивление.

Гарр глубоко вздохнул и вытер руки о передник.

— Плохо для бизнеса, когда в городе бардак, Кел, — пояснил шинкарь. — Молодежь не чтит понятий. Работают грязно, нагло, светятся на каждом углу. А потом еще и хвастаются на каждом углу. — В его голосе зазвенела плохо скрытая злость. — Портят репутацию серьезных людей. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, Гарр, — вздохнул и покачал головой с видом уставшего от жизни пенсионера, Кел. — Но все это слишком обтекаемо и, честно говоря, абсолютно не то, чем я хочу забивать себе голову на старости лет.

Он повернулся ко мне и, прежде чем я успела среагировать, притянул меня к себе и поцеловал в щеку. Это легкое, почти невесомое, но достаточно интимное прикосновение вызвало толпу телых, колючих и совершенно неуместных мурашек у меня по всему телу.

— У меня есть дела поинтереснее, — промурлыкал Кел, не сводя с меня золотого глаза с вертикальным зрачком.

Я замерла, чувствуя, как к щекам приливает предательский румянец, и поспешно уткнулась в свою рюмку, делая вид, что страшно заинтересована напитком. Сердце бешено и предательски колотилось и я была уверена, что дракон это слышал.

— А если у тебя есть претензии к тому, как работает стража, обратись к Вэлшу, — добавил Кел, снова поворачиваясь к шинкарю. — Он же сейчас за главного. А я — частное лицо. Свободное. Счастливое. И очень занятое.

Гарр неоднозначно фыркнул — звук получился похожим на смех пополам с рычанием.

— Вэлш... — скептически протянул он. — Ладно, Келлитан. Живи своей личной жизнью. Но если вдруг устанешь... — он выразительно посмотрел на меня, потом снова на Кела, — преступный мир Эшхолла ждет, чтобы в нем навели порядок. Серьезные люди будут только благодарны.

Кел снисходительно кивнул, давая понять, что разговор окончен. Потом легко, по-хозяйски, приобнял меня за талию и развернул в сторону выхода.

— Пошли, сладкая, — промурлыкал дракон. — Что-то у меня спина затекла. Ты сделаешь мне массаж?

— Конечно, дорогой, — постаралась ответить ему в тон я.

Мы пошли к двери. Мои каблуки цокали по деревянному полу, сердце постепенно возвращалось к нормальному ритму, и я уже почти поверила, что мы сейчас благополучно выйдем на улицу, сядем в Карну и уедем из этого проклятого места.

Но судьба, как всегда, имела свои планы.

Едва мы приблизились к массивной дубовой двери, как я заметила двоих людей. Выглядели они не так холодно, как при первой нашей встрече, но это не помешало мне узнать в них тех, кто оставили меня и бабулю без жилья.

От осознания того, что они тоже могут меня узнать и тогда наше прикрытие рассыпется, у меня перехватило дыхание.

Я резко развернулась к Келу и, прижавшись лицом к его груди, испуганно прошептала, чувствуя, как паника ледяной змеей обвивает горло:

— Это они!

Глава 8.

Келлитан все понял без слов и в следующую секунду его рука невероятно властно сомкнулась на моем локте. Он буквально оторвал меня от пола, чтобы утянуть в узкую, запыленную и заставленную какими-то хламом нишу.

Я и ахнуть не успела, как дракон вжал меня спиной в холодную каменную кладку стены, задвинув в самый темный угол и закрыв собой.

Я невольно уткнулась носом в ворот его рубашки и меня с головой накрыло ароматом чуть горьковатого, свежего бергамота и чувственного, обволакивающего, животного мускуса, от которого у меня предательски закружилась голова.

Запах старой кожаной куртки, такой знакомый и почему-то уютно-безопасный, смешивался с этим ароматом, создавая невыносимо пьянящую комбинацию.

Кел стоял ко мне вполоборота, прислушиваясь к тому, что происходило в зале. Из-за шума и голосов я не слышала ровным счетом ничего, кроме своего собственного бешено стучащего сердца и шумного, прерывистого дыхания.

Мы стояли так близко, что я чувствовала жар, исходящий от него каждой клеточкой своего тела. Это было не просто тепло — это было настоящее пламя, согревающее даже сквозь одежду. Моя слабая ведьминская искра, обычно дремавшая, сейчас трепетала где-то в солнечном сплетении, словно мотылек, летящий на огонь.

“Соберись, Джослин! — пронеслась в голове паническая мысль. — Это просто выброс адреналина! Страх! Ничего больше!”

Но это было ложью. Страх остался там, у входной двери, когда я увидела тех двоих. А здесь, в этой душной, темной нише, прижатая к стене огромным разгоряченным драконом, я не чувствовала страха. Я чувствовала то, что совершенно не должна была чувствовать.

Его близость вызывала во мне реакцию, с которой я не знала, что делать, потому что раньше никогда не испытывала подобного. Нет, у меня был опыт общения с мужчинами.

За мной даже ухаживала парочка парней, делая неуклюжие комплименты и приглашая на прогулки в парк. Но тогда это не вызывало ничего, кроме легкого раздражения и скуки. Мне было неинтересно. Их прикосновения казались пресными, а взгляды — пустыми.

Сейчас же все было иначе. Я чувствовала жар его тела каждой клеточкой, и этот жар не пугал, а манил. Мне хотелось податься вперед, прижаться еще ближе, вдохнуть этот невероятный запах полной грудью, уткнуться носом в изгиб его шеи, где, бешено, в такт моему собственному сердцу, пульсировала жила.

“Да что с тобой такое, Рид?! — мысленно наехала я на себя. — Он старый! Он брюзга! Он твой начальник, в конце концов! И все время на тебя рычит! Очнись!”

Но внутренний голос, обычно такой рассудительный, сейчас звучал слабо и неубедительно. Потому что глаза, против моей воли, скользили по его лицу.

Я была так близко, что могла рассмотреть каждый шрам, пересекающий его скулу и уходящий под повязку. Легкую небритость, едва серебрившуюся в тусклом свете и то, как напрягались мышцы на его челюсти, когда он сжимал зубы, вслушиваясь.

Желание, острое и совершенно незнакомое, пронзило меня. Захотелось сделать что-то невероятно глупое. Что-то, что разрушило бы это невозможное напряжение между нами. Я уже открыла было рот, чтобы вернуть все на свои места, в привычную плоскость “работодатель — помощница”:

— Кел... я... — прошептала я с чертовым придыханием, которого вовсе даже не планировала и тут же осеклась.

Потому что Келлитан повернул голову, его единственный золотой глаз встретился с моими, и мир замер. Пропали звуки таверны, исчез холод камня за спиной. Остался только этот глаз с вертикальным драконьим зрачком, который то расширялся, то сужался, выдавая его собственное, тщательно скрываемое волнение.

Прежде чем я успела произнести хоть слово, сильная мужская рука взметнулась вверх, и горячий указательный палец коснулся моих губ, заставляя замолчать.

— Тсс, — хриплый, бархатистый шепот обжег мое ухо, проникая под кожу, спускаясь по позвоночнику вниз и взрываясь где-то внизу живота фейерверком мурашек.

Я застыла, превратившись в каменное изваяние. Дыхание перехватило окончательно. Его палец все еще касался моих губ, и я чувствовала, как по моему телу разливается предательская, вязкая слабость. Мне казалось, что если я сейчас не пошевелюсь, то просто стеку по стене лужицей к его ногам.

Кел завис надо мной на пару бесконечно долгих секунд. Взгляд золотого глаза медленно и изучающе скользил по моему лицу, словно он пытался запомнить каждую черточку. А потом опустился ниже на губы, где все еще, слишком по-хозяйски, лежал его указательный палец.

Драконий зрачок расширился, заполняя почти всю радужку, делая глаз почти черным и я увидела, как дернулся его кадык. Он чуть наклонился, поддавшись какому-то внутреннему порыву, и в воздухе между нами повисло такое напряжение, что, казалось, еще немного и будет взрыв.

Мои губы приоткрылись сами собой, помимо моей воли. Я забыла, как дышать.

— Проклятье, — выдохнул он с такой досадой и злостью, будто только что проиграл важнейшую битву в своей жизни.

Глава 9.

Келлитан

Я вжал девчонку в стену с такой силой, что она тихонько ойкнула. Сверху, звякнув, упала какая-то жестяная кружка, и я мысленно выругался. Конспиратор из меня сейчас был как из гнома — балерина. Двадцать лет в саркофаге явно не пошли на пользу рефлексам.

Но Джози, хвала всем богам, замерла и даже дышать стала через раз. Умная девочка.

Я же обратился в слух. Драконье чутье, дремавшее где-то в груди, радостно встрепенулось, предвкушая улов.

Они прошли мимо ниши, даже не взглянув в нашу сторону, и уселись за столик в углу, где уже сидел какой-то хмырь в надвинутом на глаза капюшоне.

— Ну, докладывайте, — проскрипел хмырь, едва они расселись.

Голос у него был неприятный, с металлическим отзвуком, будто он говорил через артефакт-искажатель.

— Все чисто, шеф, — прогудел мужчина в василисковой куртке. — Хата наша. Старуха спеклась, девка не выпалась. В патруле все на мази.

Я почувствовал, как Джози вздрогнула. Ее маленькие пальцы непроизвольно вцепились мне в рукав куртки. Я накрыл ее ладонь своей (просто чтобы успокоить, разумеется) и легонько сжал.

— Все прошло гладко, — с приторной сладостью в голосе, отозвалась баба. — Всегда бы так.

Внутри у меня медленно, как магма перед извержением, начала подниматься ярость.

“Всегда бы так?” — мысленно прорычал я.

Эти двое говорили о разрушенной жизни старой женщины с такой же легкостью, с какой обсуждают утреннюю погоду. Мой дракон внутри, огненный зверь, спавший два десятилетия, сейчас нетерпеливо перебирал когтями по ребрам, требуя выйти, схватить их за шкурку и встряхнуть душу.

Но я держал себя в руках. Схватить за жабры этих двух — плевое дело. Я бы мог сделать это прямо сейчас, даже не вспотев. Но мне нужно было накрыть всю гнилую сеть, которая опутала Эшхолл, пока я бесполезно дрых.

А если я хочу вернуть моей ведьме квартиру — по-настоящему, на законных основаниях, а не просто выбив пару зубов этим уродам — мне нужно что-то более весомое. Связи, имена, явки.

“Моей ведьме? — эта мысль резанула по самому краю сознания, острая и неожиданная. — Ты знаешь ее второй день, Хейз. Второй, чтоб тебя! Откуда вообще взялось это собственническое “моей”?”

Мне это не надо. Привязанности — удел слабаков, а у меня за плечами слишком много потерь, чтобы снова в это ввязываться. Все, к кому я привязывался, плохо кончали.

Я отогнал непрошеную мысль и снова вслушался в разговор.

— Слушайте сюда, — скрипел капюшон. — Есть новое дело. Старый особняк в Изумрудном предместье. Одиноким коллекционер, бывший член Гильдии Артефакторов. Выжил из ума, живет один. У него в подвале спрятан Ретранслятор Рунной Памяти, прототип. Очень дорогая игрушка.

— Ретранслятор? — переспросила женщина с жадным интересом в голосе.

— Да, — неохотно подтвердил хриплый. — Работаем по старой схеме. Вы втираетесь в доверие, ставите “Глушилку”, убеждаете старика подписать дарственную. Чисто, тихо, ника-

кого шума. Конечная точка — склад номер семнадцать в Портовом квартале. Доставьте артефакт туда и поместье сможете забрать себе.

Вот она — зацепка. Я уже мысленно прокладывал маршрут к Портовому кварталу, прикидывал, кого из старых знакомых можно дернуть, когда Джози шевельнулась. Ее волосы, пахнущие какими-то травами и медом, скользнули по моей щеке, сбивая настрой.

— Кел... я... — прошептала она.

Я успел уловить обрывок фразы "...через три дня..." и потерял нить разговора.

Повернулся к ней, машинально поднося палец к ее губам, чтобы заставить замолчать, и замер.

— Тсс.

Ее приоткрытые губы были очень мягкими, а огромные, зеленые, с золотыми искорками, которые я раньше не замечал, глаза смотрели на меня с таким выражением, от которого у нормального мужика должно было бы зайтись сердце. И не только.

А я не был нормальным. Я был старым драконом, который двадцать лет провел в магической коме, двадцать лет не касался женщины, двадцать лет не чувствовал ничего, кроме холода и пустоты.

И сейчас, глядя на эти приоткрытые губы и розовеющие щеки, я вдруг осознал, что все мои драконьи и мужские инстинкты никуда не делись. Они просто дремали. А теперь проснулись.

Поддавшись идиотскому порыву, я наклонился ближе и ее дыхание, теплое и чуть прерывистое, коснулось моей кожи.

"Поцеловать, — требовал дракон внутри меня. — Попробовать. Всего один раз".

— Проклятье, — выдохнул я, отшатываясь. Собственное тело предало меня, и я разозлился — на себя, на нее, на весь этот дурацкий мир. — Уходим. Быстро.

Я схватил ее за руку и рванул прочь из шинка, не оглядываясь.

Плюхнувшись в самоходку, я завел мотор и вырулил на дорогу быстрее, чем стоило бы, но мне нужно было занять руки и голову чем-то, кроме мыслей о ней. Руки, которые до сих пор помнили тепло ее тела.

"Старый дурак! — ругался я на себя в своей голове. — Она девчонка. Ребенок!"

"Ребенок?! — фыркнул мой дракон где-то глубоко внутри. Он редко подавал голос, но всегда делал это не вовремя. — Ей двадцать пять. По меркам людей — она давно уже созрела для горизонтальных отношений с мужчиной. И вообще, ты статистику знаешь? По статистике..."

"Заткнись", — мысленно оборвал я его.

"Не-а, не заткнусь, — ехидно заметил ящер. — Мы — здоровый мужик. Ну, почти. У нас есть потребности. Ты в курсе, что игнорировать их чревато мужским бессилием, Хейз?"

"С этой мелкой ведьмой я удовлетворять никакие потребности не собираюсь", — отрезал я.

"Двадцать лет, — задумчиво протянул дракон. — Два. Десятка. Лет. Воздержания. Это, знаешь ли, срок. Помнишь, сколько у нас было женщин до саркофага? Не знаю, как ты, а я не монах, Хейз. Я дракон. Огнедышащий. Р-р-р! И мне нужен... огонь.

"Двадцать лет воздержания — не повод бросаться на первую встречную", — возразил я.

"Ты знаешь ее уже целых два дня! — возмутился дракон. — Раньше тебе было достаточно и пары часов. Стареешь, Хейз!"

"Да, пошел ты!" — огрызнулся я и закатил глаза.

В этом была своя неприятная правда. До комы я отнюдь не был святым. Женщины приходили и уходили, отношения были легкими, ни к чему не обязывающими.

Я не запоминал их лиц, не обещал им звезд с неба. Все было просто: взаимное удовольствие без последствий. Но сейчас...

Я покосился на Джози. Она сидела, отвернувшись к окну, нервно наматывая прядь волос на палец. Даже ее затылок выглядел смущенным. Она явно чувствовала себя неловко после того, что случилось в нише.

Чего уж там, даже я чувствовал себя неловко. И это ужасно бесило.

— Слушай, — я прочистил горло, продолжая вести самоходку. — То, что было там, в шинке...

— Ничего не было, — быстро сказала она, мимолетно взглянув на меня. — Я все понимаю. Вы... ты отлично сыграл свою роль.

Я скрипнул зубами. Отлично сыграл. Если бы она знала, что я почти не играл. Что в тот момент, когда моя рука легла на ее талию, притворство стало натянутым, как струна, готовая лопнуть.

— Именно, — соврал я. Моя драконья сущность внутри саркастически хмыкнула, но я ее проигнорировал. — Но все равно, не бери в голову. Такие вещи... ну, это как совать пальцы в розетку. Опасно и... чревато последствиями.

Я осекся. Что за бред я несу? Сравнил поцелуй с розеткой? Молодец, Хейз, просто верх дипломатии.

Джози издала какой-то неопределенный звук, который я не смог интерпретировать. Смех? Вздых? Какого черта меня так волновало, что думает сейчас эта мелкая ведьма?

Я крепче сжал руль и уставился на дорогу, пытаюсь привести мысли в порядок. Мимо проплывали освещенные витрины, и я невольно скользнул взглядом по стройным женским фигурам, прогуливавшимся по тротуару.

Одна из женщин — высокая брюнетка в облегающем платье — оглянулась на звук мотора, и ее взгляд на мгновение задержался на мне.

“А почему бы и нет? — лениво подумал я. — Найти какую-нибудь сговорчивую девицу в Тенистом квартале, снять напряжение. Без обязательств. Как в старые добрые времена”.

Но эта мысль не принесла обычного предвкушения. Вместо этого я поймал себя на том, что снова смотрю на Джози. На то, как свет фонарей золотит ее волосы, как она задумчиво покусывает нижнюю губу. И от этого зрелища где-то в груди снова предательски защемило.

Мы подъехали к башне, я заглушил двигатель, и чтобы хоть как-то разрядить обстановку, повернулся к ведьме и сказал:

— Кстати, ведьма, ты должна мне суп.

Брови Джо взлетели вверх, а потом она вдруг улыбнулась. Впервые за весь вечер — открыто и светло.

— Да, конечно, — затараторила она. — Ты хочешь есть?

— Хочу, — кивнул я, немного выдохнув. — Я голодный. Очень.

“Во всех смыслах”, — добавила моя драконья сущность, но я снова ее проигнорировал.

— Тогда пошли. Накормлю дракона, — она выбралась из самоходки, и я последовал за ней.

Мы поднялись в квартиру, и Джози тут же принялась колдовать на кухне. Я смотрел из дверного проема, как она ловко орудует ножом, как напевает себе под нос какую-то незамысловатую мелодию, и чувствовал странное, забытое умиротворение.

Мне это не нравилось.

Умиротворение расслабляет. А расслабленный дракон — мертвый дракон. Я слишком хорошо это знал.

Поэтому, когда ужин был съеден, я похвалил ее стряпню (на этот раз она превзошла саму себя, но я все равно проворчал, что картошка могла бы быть и похрустящее), потом помог Джози убрать со стола и прежде, чем она ушла к себе, я сказал:

— Дай мне ключи от самоходки, а сама ложись отдыхать.

— Зачем? — удивленно обернулась она.

— Я разве сказал задавать вопросы? — отрезал я. — Дело есть важное.

Она неохотно протянула мне ключи. Я сжал их в кулаке и, не прощаясь, вышел за дверь.

Ночной город встретил меня прохладой и запахом мокрой брусчатки. Я завел самоходку и вырулил в сторону Тенистого квартала. Дракон внутри довольно заурчал.

“Куда едем?” — спросил он.

— Развеяться, — коротко бросил я, глянув в зеркало заднего вида.

“О-о-о, развеяться — это хорошо, — предвкушающе протянул дракон. — Давно пора”.

Глава 10.

— Джози... помоги мне... они забирают наш дом, Джози..., — бабушка бледная, почти прозрачная, тянула ко мне руки из густой, вязкой темноты. Ее губы шевелились, но вместо слов я слышала только сухой, надтреснутый шепот.

— Ба! Я здесь! — кричала я, но звук глос, тонул в этой черной маслянистой пустоте. Я бежала к ней, только ноги увязали в густой, как смола, жиже, а расстояние лишь увеличивалось. — Бабуля, держись!

Но она уже не слышала меня. Ее лицо растворялось в воздухе, а я все бежала, не приближаясь ни на шаг.

А потом темнота расступилась разом, словно кто-то резко раздвинул занавес. На месте бездны возник знакомый дверной проем — дверь нашей старой квартиры, которую у нас украли. В проеме стоял Кел.

Он возвышался надо мной, плечистый, уверенный. На нем была та самая кожаная куртка, а в руках он держал букет полевых цветов: ромашки, иван-чай, голубые васильки. Его лицо было мягким, почти нежным. Он протянул букет мне.

— Джози, — произнес он низким, обволакивающим голосом, и от этого звука у меня внутри все затрепетало. — Я...

Начал было он, а я уже шагнула навстречу, и потянулась к цветам, как из тени за плечом Кела выступила незнакомая мне брюнетка с холодными глазами и ленивой, паскудной ухмылкой. Она положила руку на его плечо, и Кел не шелохнулся, даже не обернулся. Словно не замечал.

— Ты серьезно, Хейз? — с насмешкой спросила она, указывая на меня пальцем с длинным кроваво-красным ногтем. — Она же мышь серая. Наверняка даже не знает, с какой стороны подходить к голодному мужику.

И она громко расхохоталась и цветы в руках дракона вдруг начали вянуть, чернеть и осыпаться на пол.

— Все я знаю, — обиженно насупившись прошептала я себе под нос. — Если он голодный, его нужно накормить.

Брюнетка рассмеялась еще больше и от этого я проснулась. Резко села на кровати, хватая ртом воздух, словно только что вынырнула из ледяной воды. Сердце колотилось где-то в горле, а пальцы судорожно сжимали скомканное одеяло.

Сон. Это всего лишь сон.

Я зажмурилась, пытаюсь прогнать липкие остатки кошмара, но они не хотели уходить.

За окном едва забрезжил рассвет. Часы на Зеркальце показывали начало пятого. Самое паршивое время суток — уже не ночь, еще не утро. Время, когда все тревоги и сомнения выползают из своих углов и начинают грызть тебя с удвоенной силой.

Я спустила ноги на пол, поежилась от холода и накинула на плечи старый вязаный кардиган. Спать больше не хотелось. Да я бы и не смогла больше уснуть, после такого.

Чтобы хоть как-то отвлечься и занять руки и голову, я вышла из комнаты и машинально принялась за уборку. Это входило в мои обязанности, и сейчас, в этой гулкой предрассветной тишине, простая, монотонная работа была спасением.

Я протерла пыль с полок в гостиной, поправила подушки на диване, взяла забытую Келом на столе кружку и отнесла ее на кухню. Руки двигались сами, а мысли все равно крутились вокруг одного и того же.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Келлитала, я тихонько вышла в прихожую, чтобы протереть пыль там и заметила, что кожаной куртки Кела на вешалке не было.

Абсолютно неосознанное и неуместное чувство тревоги всплыло в моей груди, заставив меня, нервно теребить в руках тряпку.

Он сказал, что у него важное дело. Что за дело может быть у дракона глубокой ночью? Особенно после того, что случилось в шинке. После того, как он смотрел на меня так, будто хотел... Нет. Это все мое глупое воображение.

В груди неприятно зашевелился червячок догадки и я нервно начала мерить шагами прихожую.

“Какое тебе вообще до этого дело, Джослин Рид? — строго спросила я саму себя. — Он твой работодатель. Ты его помощница. Вы знакомы два дня. Два! О каких чувствах может идти речь?”

Но внутренний голос, ехидно заметил:

“А кто стоял в той дыре, и желал, чтобы он тебя поцеловал? Кто забыл, как дышать, когда его палец коснулся твоих губ?”

Я застонала и закрыла лицо руками. Да, я хотела этого поцелуя. Да, я все еще чувствовала фантомное прикосновение его пальцев к своей коже. И внизу живота разливалась странная, тягучая слабость, когда я вспоминала его запах и жар его тела.

А он наверняка сейчас где-то в Тенистом квартале. С какой-нибудь брюнеткой, как в моем сне, которая не строит из себя недотрогу и не краснеет через слово. Которая знает, что делать с мужчиной, у которого двадцать лет воздержания за плечами.

“Так, стоп! — приказала я себе. — Прекрати думать об этом. Это непрофессионально. У тебя бабушка в больнице. У тебя проблемы с квартирой. Ты не можешь сейчас раскисать из-за дракона, который тебе никто”.

Разумная мысль. Очень. И я честно попыталась за нее ухватиться.

Я решительно прошла на кухню, налила себе чай, села за стол и открыла Зеркальце. Надо проверить больничные письма, может, были новости от врача. Надо записать новое сказание — смотрильщики уже, наверное, волнуются, куда я пропала.

Но вместо этого я тупо смотрела на заставку Гульбища и видела перед собой только его лицо. Шрам на скуле, уходящий под повязку. Золотой глаз с вертикальным зрачком, который то расширялся, то сужался. И его ресницы. У него, оказывается, были очень густые и темные ресницы. Я заметила это только там, в нише, когда наши лица были так близко.

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение.

Чай остыл. Время тянулось невыносимо медленно. Я честно попыталась написать несколько строк для сказания, но выходило что-то совсем уж беспомощное. Потом попыталась читать новости, но строчки расплывались перед глазами.

Наконец я не выдержала, и подошла к окну. Что я надеялась там увидеть? Как он летит домой?

“А если с ним что-то случилось?” — вдруг пронзила меня ледяная мысль.

Он же не знает современного города! Он может попасть в передрагу, ввязаться в драку, его могут ранить, или того хуже — магический патруль, который, судя по всему, крышует корыстников, может решить убрать слишком любопытного старого дракона!

Я схватила Зеркальце, открыла список контактов и... замерла, глупо глядя на светящийся экран.

У него же нет Зеркальца. Он ненавидит “эту светящуюся дрянь” и наотрез отказывается ею пользоваться. У него даже простенького амулета связи нет, насколько я знаю. Позвонить ему невозможно.

Я со стоном отшвырнула Зеркальце обратно на диван и закрыла лицо руками.

— Даже если бы и был, — пробормотала я вслух в пустоту квартиры, и мой голос прозвучал глухо и жалко, — что бы я у него спросила? “Простите, я просто хотела узнать, вы сейчас с женщиной или вас убивают?”

Я застонала от собственной глупости. Это прозвучало так по-идиотски, что впору было самой себе отвесить подзатыльник. Какая мне разница, где он? С кем он? Он взрослый дракон, а я ему никто. Ну, почти никто — помощница по хозяйству. Кухарка.

От этой мысли легче не стало и я пошла на кухню ставить чайник. Раз уж уснуть все равно не выйдет, можно было хотя бы приготовить ранний завтрак. В конце концов, это моя работа. А когда он вернется... если он вернется... он наверняка будет голодный.

Чайник уже закипел, когда в замке входной двери заскрежетал ключ.

Я вздрогнула и замерла с чашкой в руке. Сердце снова забилося где-то у горла. Дверь открылась.

Кел вошел медленно, тяжело. Он выглядел... уставшим, потрепанным. Как человек, который провел всю ночь не в постели с красоткой, а на ногах, решая какие-то мрачные и сложные дела.

Его куртка была расстегнута, волосы всклокочены, а на лице застыло странное выражение — смесь мрачной задумчивости и разочарования. Он выглядел так, будто то, что он задумал, пошло не по плану.

— Ты почему не спишь? — спросил он хрипло, пройдя на кухню. Голос звучал так, будто он не говорил уже несколько часов.

— Я... уже выпалась, — соврала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Раннее утро, самое время вставать. Я как раз чай заварила. Будешь?

Но он ничего не ответил, только кивнул каким-то своим мыслям. Потом сунул руку за пазуху и вытащил оттуда небольшой бумажный пакет — мятый, но аккуратно сложенный и перевязанный бечевкой. Протянул его мне.

— Это для твоей бабушки, — сказал он все тем же хриплым, бесцветным тоном. — Сегодня можешь взять выходной. К обеду не обязательно. Но к ужину будь.

Я машинально взяла увесистый пакет, глупо хлопая глазами, и не могла вымолвить ни слова, а Кел уже развернулся и, не прощаясь, ушел в свою комнату.

Дверь за ним закрылась. Я осталась в прихожей одна.

Несколько секунд я просто смотрела ему вслед, сжимая в руках пакет и чувствуя, как внутри меня борются совершенно противоположные чувства. Облегчение от того, что он вернулся целый и невредимый. Растерянность от того, что он сказал. И жгучее, почти обжигающее любопытство.

Я опустила взгляд на пакет и развернула бумагу.

Внутри лежали деньги. Ровные, аккуратные пачки, перетянутые банковскими лентами магической казны. Их было очень много. Гораздо больше, чем я надеялась заработать за месяц. Хватило бы и на операцию бабушке, и еще осталось бы.

Я медленно опустила на и уставилась на содержимое пакета. В голове гудела только одна мысль.

— Где он столько взял? — прошептала я вслух, и тишина квартиры проглотила мой голос, не дав ответа.

Глава 11.

По дороге в больницу, я все никак не могла перестать гадать, откуда Кел взял столько денег.

“Он что, казну ограбил? — думала я про себя, поворачивая в очередной переулок. — Ночью? В одиночку? Или ему их его товарищ выдает, как пособие по инвалидности за вредный характер? Ой, Джо, не выдумывай всякий бред!”

Отмахнувшись от дурацких мыслей, я заякорила свою самоходку у больницы и отправилась внутрь.

В палате бабуля уже полулежала на подушках и выглядела немного бодрее. У нее на щеках даже слабый румянец появился, то ли от лечения, то ли от предвкушения, что сейчас она из меня всю душу вытрясет.

— Ну, рассказывай, — прошелестела она и похлопала ладонью по краю кровати. — А то в прошлый раз прибежала, наговорила про какого-то дракона, а теперь сияешь, как начищенный самовар.

— Бабулечка моя! — я присела на край кровати и взяла ее за руку. — Я нашла деньги. Операцию сделают сегодня. Все будет хорошо.

Она чуть прищурилась, и в ее глазах мелькнул тот самый острый ведьминский огонек, который я так хорошо знала.

— И откуда же деньги? Неужто твои сказания вдруг начали приносить доход?

— Дракон заплатил авансом, за месяц, — почти не соврала я, потому что, действительно, планировала их честно отработать. — И за следующий. И вообще... он не такой уж и вредный. Ну, то есть вредный, конечно, жуть. Ворчит, фыркает дымом, кружки на мое Зеркальце ставит. Но... помог.

Бабуля долго смотрела на меня изучающим взглядом, а потом ее губы тронула лукавая улыбка, которая когда-то сводила с ума деда.

— Драконы, Джози, просто так деньги не дарят, — голосом умудренной опытом женщины, поведала мне бабушка. — У чешуйчатых, это в крови. Либо ты ему очень нужна, либо он что-то задумал.

— Ну, ба-а-а! — я закатила глаза. — Я просто работаю у него. Готовлю еду, убираюсь, слежу за порядком. И все на этом.

— Ох, внучка... — она покачала головой, и я заметила, что ей трудно долго говорить. — Ты у меня красавица, только глупенькая еще. Ладно, иди. И... Джози?

— Да, бабуль? — чуть подалась вперед я.

— Приведи его как-нибудь.

— Как ты себе это представляешь? — удивленно вскинув брови, уточнила я.

— А что? — невинно похлопала глазами эта старая ведьма. — Скажешь, что я лично хочу поблагодарить его за помощь. Если он такой, как ты рассказываешь, он не откажется.

Переговорив с врачом и оплатив операцию и последующее содержание в платной палате, я отправилась в палату для ожидания.

Операция шла несколько часов. Я сидела на жесткой скамье, грызла ногти и вздрагивала от каждого шороха в коридоре.

Когда усталый врач вышел из операционной и, вытирая пот со лба, произнес заветное “Операция прошла успешно”, я чуть не задушила его в объятиях. Сдержалась. Едва.

Бабушку перевели в послеоперационную, к ней пока не пускали. Я оставила медсестре номер своего Зеркальца и отправилась домой со спокойным сердцем, параллельно прокручивая в голове то, как я могла бы отблагодарить Келлитана за помощь.

Деньги — это, конечно, здорово, но я не могла просто сказать “спасибо” и отработать полученное. Этот ворчливый чешуйчатый грубиян спас мою бабушку. И, меня заодно — от улицы, от отчаяния, от всего.

“Испечь ему пирог? — размышляла я, крутя руль своей Карны. — Нет, пирог — это слишком банально. Может, запечь мясо по-особому? Или...”

И тут меня осенило. Борщ. Бабушкин борщ на говяжьей косточке, томленный, густой, с сахарной свеклой и каплей старого ведьминского секрета — щепоткой сушеной крапивы, которая придает бульону невероятную глубину.

И чесночные пампушки к нему — мягкие, воздушные, с золотистой корочкой. Такого он точно не ел.

Да что там? Половина Эшхолла такого не ела, потому что рецепт бабуля хранила как зеницу ока.

Я тут же зарулила в ближайшую лавку для того, чтобы купить все необходимое. А на кухне развернулась по полной. Говяжью косточку в кастрюлю, туда же — луковичу, морковь, корешок сельдерея.

Огонь Рунной Глади выставила минимальный — пусть бульон томится, набирает силу. В отдельной сковороде обжарила тертую свеклу с морковью, добавила ложку томатной пасты и каплю меда. Запахло так, что у меня самой заурчало в животе.

Когда бульон стал насыщенно-коричневым, я выудила косточку, загрузила в кастрюлю нарезанный картофель, капусту, а следом — свекольную заправку. И последний штрих: щепотка сушеной крапивы, которую я хранила в отдельном мешочке.

Бульон тут же приобрел глубокий, чуть терпкий оттенок, и я замерла, вдыхая аромат и погружаясь в воспоминания из детства.

Тесто на пампушки я замесила быстро, добавив в муку щепотку магии — самую капельку, чтобы тесто поднялось особенно пышным. Пока они румянились в духовке, я мелко порубила чеснок, смешала с маслом и укропом.

Когда пампушки были готовы, я вывалила их в миску, полила чесночной заправкой, и кухня наполнилась таким запахом, что у меня закружилась голова.

Я зачерпнула ложкой борщ, попробовала и замерла. Вкус был... невероятный. Насыщенный, густой, с легкой сладостью свеклы и пикантной кислинкой. Он согревал изнутри. Такого борща я не ела даже у бабушки. То ли магия, то ли волнение сделали свое дело.

И в этот момент за моей спиной раздались тяжелые, уверенные шаги.

— Не может быть, — произнес низкий, хриловатый голос.

Я резко обернулась. Кел стоял в дверях кухни — гладко выбритый, отдохнувший, в свежей темно-синей рубашке. Его единственный золотой глаз был широко распахнут, а ноздри слегка подрагивали, втягивая воздух. У него было лицо человека, который только что унюхал самую важную улику в своей жизни и не может в нее поверить.

— Ч-что не может быть? — пролепетала я, инстинктивно прижимаясь спиной к столу. — Что-то подгорело? Я что-то не так сделала?

Он не ответил. Вместо этого, подошел ближе — слишком близко — и заглянул через мое плечо в кастрюлю.

— Это что? — его голос прозвучал почти благоговейно. — Борщ?

— Да, — мой собственный голос дрогнул. — Это, наверное, не совсем блюдо на ужин, но я подумала... я приготовила его по старому бабушкиному рецепту, поэтому он очень мясной и сытный, и...

— Ты шутишь? — Кел резко выпрямился и уставился на меня с таким возмущением, будто я сморозила несусветную глупость. — Не совсем блюдо на ужин? Женщина, борщ — это то, что можно есть в любое время суток и быть абсолютно счастливым! Наливай!

Я стояла, глупо хлопая глазами.

— Ну же, ведьма! — поторопил он меня и чуть ли не подпрыгнул от нетерпения. — Ты видишь перед собой голодного дракона, который двадцать лет не ел нормального борща. Поверь, очень опасно заставлять его ждать еще пару секунд!

Я рассмеялась — от облегчения, от неожиданной радости — и потянулась за половником.

Через минуту перед Келом стояла глубокая тарелка, полная густого, рубиново-красного борща со сметанным островком посередине, и тарелка с пышными чесночными пампушками. Он взял ложку, зачерпнул, попробовал — и замер.

— Ну? — не выдержала я. — Как?

Дракон ничего не сказал. Просто начал есть. Быстро, сосредоточенно, почти благоговейно. Ложка за ложкой, периодически урча от удовольствия.

Пампушку макнул в сметану, откусил — и прикрыл глаз, наслаждаясь вкусом. Я стояла, прислонившись к столешнице, и смотрела на него с дурацкой улыбкой. Это было лучше любой похвалы.

— Добавки, — потребовал он, когда тарелка опустела.

— Ты серьезно? — ляпнула я от неожиданности. — Ты же съел целую порцию за три минуты!

— Это была разминка, — довольно-рычащим голосом обозначил Кел. — Давай, ведьма, не жадничай.

Я налила ему вторую тарелку. Он умял и ее, закинул последний кусочек пампушки в рот, откинулся на спинку стула и издал глубокий, довольный вздох.

— Знаешь, ведьма, — произнес он, лениво глядя на меня сытым золотым глазом. — Если ты будешь меня все время так вкусно кормить, я готов тебе каждое утро приносить по пачке денег.

Я замерла и улыбка сползла с моего лица.

— Я приготовила это не из-за денег, — сказала я тихо, и голос прозвучал обиженно даже для меня самой. — Я хотела... отблагодарить тебя. За бабушку. За то, что помог.

В кухне повисла тишина. Кел медленно опустил ложку и посмотрел на меня — уже без насмешки, серьезно.

— Кстати, как она? — спросил он, и его голос неожиданно потеплел. — Операцию сделали?

— Да, — кивнула я, убирая тарелку со стола. — Врач сказал, все хорошо. Теперь нужно восстановление.

— Если тебе нужно будет уходить, — начал он, — уходи. В любое время. Я не буду против.

Я благодарно улыбнулась. А потом, сама не зная зачем, добавила:

— Ты не такой уж и черствый, каким показался вначале.

Он вдруг низко, раскатисто расхохотался.

— Я гораздо хуже, ведьма! Гораздо хуже! — он покачал головой и ухмыльнулся. — Просто у меня есть принцип — не бросать детей и стариков в беде.

Я застыла. Детей? Он все еще считает меня ребенком? Хотелось обидеться, но тогда я бы подтвердила его слова.

— Я не ребенок, — сказала я, и голос прозвучал резче, чем хотелось.

Он посмотрел на меня странным, непонятным взглядом, после чего встал со стула, подошел ко мне и приобнял за плечо.

— Пошли, не ребенок, — сказал он, хитро глядя на меня золотым глазом и направляя меня в глубь квартиры, где находился его кабинет. — Обсудим дальнейший план действий.

Глава 12.

Кабинет, как и вся квартира, был оборудован по последнему слову магической моды. И, судя по выражению лица Келлитана, он ненавидел все это великолепие ровно с той же силой, с какой любил борщ.

Посреди комнаты красовался огромный письменный стол из светлого дуба, на котором, помимо вороха бумаг, гордо возвышался новенький, блестящий серебристыми рунами переносной магический вычислитель или “Думная Скрижаль”. Особо миниатюрные модели называли “скрижиками”

Рядом с ним висел на специальной подставке “Образник” — аппарат, способный разворачивать в воздухе объемные картины. На стенах мерцали тактильные панели управления освещением и температурой, а в углу тихо жужжал очиститель воздуха с руной “Бриз”.

— Присаживайся, — буркнул он, кивнув на стул, обитый мягкой тканью, и сам уселся напротив.

Я послушно опустилась на стул, пока Кел извлек из ящика стола несколько свернутых в трубочку карт — настоящих, бумажных, с потертыми краями и выпцветшими чернильными пометками. Он развернул одну из них, разгладил на столе, открыл рот, чтобы начать объяснение и... закрыл его обратно, нахмурившись.

Его ноздри едва заметно дрогнули, втягивая воздух, а голова медленно, почти механически, повернулась в сторону скрижика. Я уже научилась распознавать этот взгляд: так хищник смотрит на добычу, которую пока еще не решил, съесть или погнать прочь.

Кел поднял палец, прижал его к губам и беззвучно, одними губами, произнес:
— Тихо.

Я замерла, боясь вздохнуть. Он поднялся — бесшумно, текуче, как огромный кот — и приблизился к скрижали. Склонился над ней, едва не коснувшись носом корпуса. Потом прищурился, и его драконий зрачок сузился в тончайшую вертикальную нить.

Уголок его губ дернулся в чем-то среднем между безразличностью и торжеством. Осторожно, двумя пальцами, он извлек откуда-то из-под задней панели крошечный, не больше ногтя, темный кругляш с тускло мерцающей в центре руной, поднес его к глазу и криво усмехнулся.

Я смотрела на него с открытым ртом. Внутри меня боролись восхищение его чутьем и холодный, липкий, необоснованный страх.

— Не хочешь прогуляться? — довольно громко спросил Кел, убирая кругляш на место.

— Прогуляться? — повторила я, не понимая, к чему он клонит. — Сейчас? Мы же вроде хотели...

— Именно, — перебил Кел меня и выразительно покосился на скрижик. — После такого сытного ужина моцион — святое дело. Вредно сидеть на месте, когда в желудке столько вкусного борща. И раз уж ты моя нянька, ведьма, ты просто обязана составить мне компанию. Вдруг мне станет плохо, и я упаду? Кто меня поднимет?

Я открыла рот, чтобы возразить, что он — огромный дракон, которого даже стадо мамонтов не сдвинет с места, не то что я, но вовремя захлопнула его. Спорить с ним сейчас было так же бесполезно, как уговаривать Рунную Гладь не шипеть, когда у него плохое настроение.

Кел уже сгреб со стола карты, поднялся и, придерживая меня за локоть, выдворил из кабинета в прихожую.

— Собирайся, — скомандовал он, стаскивая с вешалки свою кожаную куртку. — Только надень что-нибудь потеплее, ночь прохладная.

В полном недоумении я накинула плащ и сунула ноги в ботинки. Через три минуты мы уже спускались в прозрачной капсуле подъемника, а еще через пять — сидели в старенькой, но верной “Карне-3”, закоренной у тротуара.

Келлитан завел мотор, включил обогрев и я повернулась к нему.

— Мы, вроде, прогуляться хотели? А сами сидим в самоходке. Что вообще происходит?

Кел откинулся на спинку сиденья и тяжело вздохнул, глядя куда-то вперед, на пустую ночную улицу.

— Происходит то, что в квартире завелись уши. И это очень некстати.

— Та штучка, что ты нашел в скрижике — это был жучок? — догадалась я. Не зря же я все-таки тайком от бабушки смотрела фильмы про разведчиков.

— Ага, — кивнул дракон, играя желваками. — Прослушка. Хорошая, кстати. И поставили ее недавно.

— Но откуда ты знаешь, что прослушка появилась именно сейчас? — спросила я, все еще пытаясь уложить в голове случившееся.

Кел невесело усмехнулся и потер переносицу.

— Видишь ли, ведьма, когда я только очнулся после комы и Лекс поселил меня в этих хоромах, мне было... скажем так, скучно. Очень скучно. Двадцать лет мариноваться в саркофаге — это, знаешь ли, оставляет после себя прорву свободного времени, которое не знаешь, чем занять. А поскольку я старый параноик и никому не доверяю, — тут он покосился на меня, проверяя, не обиделась ли я, — я от скуки обшарил всю квартиру сверху донизу на предмет подозрительных штуковин. Каждый угол, каждую руну, каждую чертову мерцающую панель. Простучал стены, пересмотрел все вентиляционные отверстия и даже разобрал холодильный шкаф. Просто чтобы занять руки.

— Сдается мне, что под гриф “подозрительные штуковины” попало примерно все? — иронично спросила я, не удержавшись от легкой улыбки.

Кел неоднозначно пожал плечами — движение вышло таким красноречивым, что я невольно хихикнула.

— Ну, почти все, — признал он без капли смущения.

— И что же? — я подалась вперед, сгорая от любопытства.

— Ничего, — развел руками Кел. — То есть совсем ничего. Никаких прослушек, следящих чар или прочей дряни. Квартира была чиста. А сегодня, — он мрачно кивнул в сторону дома, — я заметил, что этот экран с кнопками гудит чуть громче обычного. Едва заметно, но достаточно, чтобы меня насторожить. И оказался прав. Значит, поставили недавно. Вопрос в том, когда и кто?

Теперь этот вопрос тревожил и меня. Не очень хотелось думать, что пока я сплю по квартире гуляет кто-то чужой. Или еще хуже — свой.

— Думаешь, это Вэлш? — тихо спросила я.

— Поэтому отныне, — проигнорировав мой вопрос, Кел повернулся ко мне, — дома мы обсуждаем только погоду, мое недовольство твоими кулинарными экспериментами и то, что у меня разыгрался радикулит. Для всего остального, — он постучал пальцем по приборной панели “Карны”, — у нас есть этот выездной штаб.

— Поняла, — кивнула я, хихикнув. — Про погоду и радикулит.

Кел одобрительно хмыкнул и развернул на коленях одну из карт. Я сразу узнала Портовый квартал — темное пятно у реки, испещренное паутиной узких переулков.

— Я сегодня ночью, пока ты спала, наведалься кое-куда, — сказал он будничным тоном, будто речь шла о походе в булочную. — Прогулялся, так сказать. Подышал речным воздухом. И нашел тот самый склад, о котором говорили в шинке. Номер семнадцать. Охраняется из рук вон плохо — парочка сигнальных артефактов да один сторож, который, судя по запаху,

коротает ночи в обнимку с бутылкой дешевой настойки. Через два дня, когда они принесут туда Ретранслятор, я буду ждать их внутри.

— Один? — вырвалось у меня.

— Один, — спокойно подтвердил Кел. — Я — старый дракон, ведьма. Я умею за себя постоять. Это не первая моя засада и, смею надеяться, не последняя.

— А я? — тут же уточнила я.

— А у тебя будет очень важная задача, — слегка понизив голос, продолжил дракон. — Ты будешь сидеть дома и не высовываться.

Внутри меня боролись жгучее желание помочь и понимание, что Кел, скорее всего, прав. Я действительно не боец. Но сидеть дома и просто ждать, пока он будет рисковать жизнью ради того, чтобы вернуть мне квартиру? Это казалось неправильным и... невыносимым.

— Кел, — тихо начала я, опуская глаза и нервно теребя край своего плаща, — я понимаю, что не могу пойти с тобой. Я не боевая ведьма, я знаю. С моей слабой искрой и нулевым боевым опытом я буду скорее обузой, чем помощью в настоящей драке.

— Не боевая, но умная, — похвалил он, явно довольный тем, что я это признаю.

— Но я могу помочь по-другому, — я подняла на него взгляд. — Не в самой засаде, а до нее. Я могу сделать кое-что полезное. Дымовую бомбу, например. Или отвлекающие пиропатроны на основе бытовых заклинаний. Маленькие, незаметные, совершенно безобидные с виду, но способные создать достаточно шума, чтобы кто-то отвлекся ровно на те несколько секунд, которые нужны для победы.

Кел приподнял бровь. На его лице впервые за вечер отчетливо проступило удивление.

— Дымовую бомбу? — переспросил он недоверчиво, но уже без обычного скепсиса. — Это не то, чему обычно учат бытовых ведьм.

— Когда ты довольно посредственная бытовая ведьма, — небрежно пожала плечами я, — приходится как-то компенсировать другими навыками. Кое-чему меня научила бабушка. А чему-то я научилась сама. Тайком. Пока она не видела.

— И откуда же у тебя такие таланты? — медленно спросил он, скрещивая руки на груди. — Дымовые шашки, амулеты отвлечения... Это почти военный арсенал, Джози. Не обижайся, но для девушки, которая всего пару дней назад рыдала над подгоревшим супом, ты слишком хорошо разбираешься в магических отвлекающих штуках.

Я вздохнула, чувствуя, что пришло время сказать правду. Ну, или хотя бы часть правды.

— Моя бабушка была не просто бытовой ведьмой, — сказала я, глядя на карту, чтобы не встречаться с его пронизывающим золотым взглядом. — В свои лучшие годы она входила в четверку сильнейших ведьм Эшхолла. Ее знали и уважали — а кое-кто и боялся, если честно. Она могла метать молнии, ставить щиты и читать следы ауры через весь город. Я же пошла не в нее. Моя искра — слабая, с браком, так она говорит. Вся в моего нерадивого папашу, упокой боги его душу. Боевая магия мне недоступна — просто не хватит силы даже на самое простое заклинание. Но это не значит, что я совсем ничего не умею. Пока бабушка думала, что я сплю или читаю сказания в своей комнате, я подглядывала за тем, как она работает. Записывала, запоминала, а потом тихонько пробовала сама. Многие не получалось, но кое-что — то, что не требует большой силы, а только точности и знания ингредиентов, — выходило вполне прилично.

Кел слушал меня с каким-то странным, напряженным вниманием. Его лицо стало жестким, а в единственном глазу мелькнуло выражение, которое я не смогла расшифровать.

— В четверку сильнейших, — повторил он задумчиво, а потом вдруг спросил: — Джози, а как твоя фамилия?

— Рид, — ответила я, чуть удивленная этим вопросом.

И в этот момент что-то произошло.

Келлитан Хейз, отставной генерал, дракон, который, казалось, ничему на свете не удивлялся, вдруг застыл как громом пораженный. Его единственный глаз распахнулся настолько широко, насколько позволяла шрамированная кожа вокруг. Пальцы, сжимавшие карту, дрогнули, и бумага с тихим шелестом сползла на пол самоходки.

— Твоя бабушка Мадлен Рид? — уточнил он хриплым, незнакомым голосом.

Глава 13.

Келлитан

Академия Стражей Эшхолла, сорок с лишним лет назад.

Мне было в районе девятнадцати лет по человеческим меркам, и я был совершенно невыносим.

Высокий, плечистый, с еще не до конца сформировавшейся драконьей искрой, которая, тем не менее, уже давала о себе знать изрядной долей гонора и абсолютной уверенностью в собственной неуязвимости.

Я был из тех курсантов, про которых инструкторы говорили сквозь зубы: “Талантлив, зараза, но дисциплины — ноль”.

Учеба давалась мне слишком легко. То, на что другие тратили часы зубрежки, я схватывал на лету, и это порождало во мне опасное чувство превосходства. Я был дерзок, самоуверен и свято верил, что правила писаны для кого угодно, только не для Келлитана Хейза.

И вот в один прекрасный — вернее, ужасный — день у нас появилась новая преподавательница по артефакторике.

Мадлен Рид.

Я помню, как она вошла в аудиторию — прямая, как древко копья, в строгой темной мантии, с гладко зачесанными волосами, в которых уже тогда серебрилась ранняя седина.

Ей было, наверное, чуть за тридцать, но держалась она так, будто за ее плечами была как минимум пара столетий боевого опыта. Высокие скулы, острый подбородок и холодные, серые, как зимнее небо над Эшхоллом глаза, которые, казалось, видели каждого из нас насквозь.

— Меня зовут магистр Рид, — произнесла она ледяным, лишенным всяких эмоций тоном. — Я буду вести у вас прикладную артефакторику. Предупреждаю сразу: спуска не дам никому. Ни драконам, ни людям, ни тем, кто считает себя и тем, и другим одновременно.

Последние слова она произнесла, глядя прямо на меня. И в этом взгляде не было ни страха, ни подобострастия, только холодная, оценивающая неприязнь, от которой у меня почему-то засвербило между лопатками.

Я тогда нахально ухмыльнулся ей в ответ и демонстративно закинул ноги на соседнюю парту. Напыщенный придурок!

С этого все и началось.

Мадлен Рид терпеть меня не могла. И, надо признать, это было взаимно.

Она была дотошной, придирчивой и совершенно безжалостной. Каждое мое домашнее задание возвращалось ко мне с таким количеством красных пометок, будто по пергаменту прошло стадо разъяренных ежей.

Каждый ответ на занятиях она подвергала сомнению, заставляя перепроверять, уточнять и доказывать то, что и так было очевидно. Каждую мою попытку схалтурить — а их было много — она пресекала на корню с такой хирургической точностью, что у меня сводило скулы от злости.

— Хейз, — говорила она, растягивая мою фамилию так, будто это было ругательство, — ваш подход к рунной синхронизации ужасающе небрежен. Если вы когда-нибудь попытаетесь применить это в полевых условиях, вас разорвет на куски вместе с артефактом. И, честно говоря, я бы на это посмотрела.

Курсанты за моей спиной тихо хихикали. Я скрипел зубами и платил ей той же монетой.

Придумывал идиотские прозвища, которые шепотом передавались по рядам. Рисовал на доске карикатуры перед ее приходом — она стирала их, не моргнув глазом, и даже ни разу не спросила, чьих это рук дело. Подстраивал мелкие пакости, от которых у нее, казалось, даже бровь не дергалась.

Однажды подsunул в ее преподавательский стол артефакт-вонючку, который должен был сработать, когда она выдвинет ящик. Она выдвинула, вонючка сработала — по всей аудитории разнесся запах тухлых яиц.

Мадлен даже не поморщилась. Просто достала из ящика какую-то склянку, капнула пару капель на артефакт, и тот мгновенно затих, запечатанный встречным заклинанием. А потом она посмотрела на меня своим фирменным взглядом и произнесла:

— Хейз, если вы думаете, что меня можно вывести из себя запахом, то вы глубоко заблуждаетесь. Я работала в морге для боевых артефакторов. Там пахло так, что ваша вонючка — это, скорее, комплимент.

Я тогда впервые за все время нашего противостояния почувствовал что-то похожее на невольное уважение. Но, разумеется, виду не подал.

Все изменилось на четвертом месяце ее преподавания.

У нас были полевые учения в Лесу Теней — мрачном, опасном месте к северу от Эшхолла, где водились теневики и прочая нечисть. Нас разбили на группы по трое и отправили искать зачарованные маяки.

Все шло по плану, пока моя группа не наткнулась на огромного, старого, разъяренного теневика. Мы были молоды и самонадеянны, и вместо того, чтобы отступить и доложить инструктору, мы решили, что справимся сами.

Конечно же, мы не справились.

Теневик смял наши щиты, как бумагу. Одного из моих товарищей отшвырнуло в кусты, другой побежал за подмогой, а я остался один на один с этой тварью. Помню, как в голове билась только одна мысль:

“Вот и все, Хейз. Допрыгался”.

Я был ранен — когти теневика распорили мне плечо, и левая рука висела тряпкой. Тварь уже занесла лапу для последнего удара, когда между мной и теневиком вдруг возникла фигура в темной мантии.

Я никогда не видел, чтобы кто-то работал с боевой артефакторикой так, как она. В одной руке у нее был активирован щитовой амулет, в другой — жезл-испепелитель, который плевался сгустками чистой магической энергии.

Мадлен не кричала, не паниковала, не делала лишних движений. Каждое ее действие было выверено до миллиметра, и через тридцать секунд теневик обратился в бегство, оставляя за собой дымящийся след.

А потом она повернулась ко мне — все с тем же холодным, непроницаемым лицом — и коротко бросила:

— Хейз, вы идиот. Но смелый идиот. И это, пожалуй, единственное, что меня в вас примиряет. Вставайте.

Магистр помогла мне дойти до лагеря, молча перевязала рану и ни слова не сказала инструктору о том, что я нарушил протокол. Я ждал разнosa, ждал, что она использует этот случай, чтобы окончательно меня добить, но ничего не последовало.

Через пару дней я сам подошел к ней после занятий.

— Магистр Рид, — начал я, чувствуя себя полным кретином. — Я хотел... ну, в общем, поблагодарить. За то, что не дали меня сожрать. И... извиниться. За все.

Она смотрела на меня долго, пристально, изучающе, словно пыталась понять, искренен я или снова валяю дурака. А потом уголки ее губ впервые чуть дрогнули в чем-то отдаленно похожем на улыбку.

— Хейз, — сказала она, и в ее голосе мне почудилась тень теплоты, — из вас выйдет толк. Если вы перестанете изображать из себя шута и начнете относиться к своему дару серьезно. А теперь — кыш отсюда. У меня стопка непроверенных работ, и половина из них написана с тем же уровнем безграмотности, что и ваши.

Я, помнится, ухмыльнулся, но уже без обычной наглости, а как-то по-другому. Теплее, что ли.

— Спасибо еще раз, — зачем-то сказал я и уже развернулся, чтобы уйти, но она окликнула меня:

— Эй, Хейз? — я обернулся. — Должен будешь!

С того дня мы больше не враждовали.

Она по-прежнему была строга и придирчива, но теперь это не вызывало у меня протеста. Я вдруг понял, что она не из вредности ко мне цеплялась — ей действительно было не все равно. Она хотела, чтобы мы умели выживать в полевых условиях, а не героически погибали из-за собственной глупости.

Я начал слушать ее. По-настоящему. И где-то внутри себя воспринимал ее как старшую сестру, которой у меня никогда не было.

Через пару месяцев мы как-то незаметно перешли на тот странный, полуворчливый-полудружеский тон, который бывает между людьми, прошедшими вместе через что-то важное. Я задерживался после занятий, задавал вопросы, она отвечала — все так же остро и язвительно, но теперь в ее колкостях не было яда.

Мадлен даже пару раз называла меня просто по имени. Без обычного “Хейз” с этой ее фирменной интонацией. И это звучало как знак доверия.

Я выпустился из Академии — с отличием, между прочим, в чем была немалая заслуга Мадлен, — и наши пути разошлись. Я пошел в стражи, она осталась преподавать.

Потом, много лет спустя, я слышал, что она ушла из Академии и стала одной из четверки сильнейших ведьм Эшхолла. Пересекались мы не часто, но иногда я заглядывал к ней на чай с бубликами, когда бывал в департаменте.

Двадцать лет в саркофаге стерли многое. Но не память о ней.

Я моргнул, возвращаясь в реальность. Джози все еще сидела рядом, глядя на меня во все глаза.

— Ты знал мою бабушку? — удивленно спросила ведьма.

— Я тебе больше скажу, ведьма, — решить приоткрыть завесу тайны я. — Я обязан ей жизнью. И, кажется, пришло время вернуть долг.

Глава 14.

Следующее утро началось с того, что я, едва продрав глаза, первым делом схватилась за Зеркальце и набрала номер больницы. В трубке что-то затрещало, потом зашуршало, и усталый голос медсестры произнес:

— Госпожа Рид? Не волнуйтесь, операция прошла успешно, но ваша бабушка пока не пришла в себя. После такого вмешательства это абсолютно нормально. Организм восстанавливается, магический фон выравнивается. Приезжать пока не стоит — как только она очнется, мы сразу же вам позвоним.

Я поблагодарила, отключилась и еще пару минут сидела на кровати, глядя в одну точку. Грудь наполняло смешанное чувство облегчения и тревоги.

Облегчения, потому что операция позади и бабуля жива. Тревоги — потому что я ничего не могла сделать, кроме как ждать. Ждать и надеяться, что ее сильный ведьминский организм справится.

От размышлений меня отвлек шум в прихожей. Я накинула халат и выглянула в коридор.

Кел стоял у двери, прижимая к груди огромный бумажный пакет, из которого торчали какие-то склянки, мотки проволоки и пучки сушеных трав. Вид у него был донельзя довольный, как у кота, который стащил со стола целую рыбину и теперь не знает, с какого бока к ней подступиться.

— Доброе утро, ведьма, — прогудел он, сгружая пакет на кухонный стол. — Я тут пробежался с утра по лавкам Тенистого квартала. Жуть, как захотелось овсяной каши. Сделаешь? Я все для нее купил.

Я заглянула в пакет и присвистнула. Там было все, что нужно для “овсяной каши”: селитра, сера, угольная крошка, пузырек с экстрактом дурман-травы, моток тончайшей медной проволоки, десяток пустых амулетных капсул, рунные заготовки и даже маленький пузырек с жидким магическим концентратом — штука дорогая и редкая, которую просто так в лавке не купишь.

— Где ты это взял? — спросила я, вытаскивая из пакета моток проволоки.

— У меня есть связи, — туманно ответил Кел и плюхнулся на стул, закинув ногу на ногу.

Я хмыкнула и принялась раскладывать ингредиенты на столе. Руки уже чесались приступить к работе. Кел, вопреки обыкновению, не ушел в свою комнату, а остался сидеть, наблюдая за мной с каким-то праздным, почти кошачьим любопытством.

— Ты так и будешь сидеть и смотреть? — поинтересовалась я, отмеряя порцию серы на аптечных весах.

— А что? — он пожал плечами. — Мешаю?

— Нет, но... — я замялась. — Обычно ты не проявляешь интереса к тому, что я делаю.

— Я, конечно, еще под впечатлением от вчерашнего борща, — лукаво ухмыльнувшись, ответил Келлитан. — Но я просто обязан лично проследить за тем, чтобы каша не подгорела и ее не постигла участь того супа. Очень уж каши хочется.

— Это было один раз, — возмущенно взглянула я на дракона, потому что не думала, что он будет мне это напоминать.

— Но осадочек-то остался, — ехидно хихикнул этот вредный ящер и мне на секунду показалось, что он специально меня подкалывает, чтобы разрядить обстановку. — Хотя, если быть до конца откровенным, я восхищен уровнем твоих кулинарных навыков. Даже в мое время не каждая молодая девушка умела так вкусно говорить.

Я почувствовала, как к щекам приливает тепло от этой неожиданной похвалы, и поспешно отвернулась к склянкам, чтобы он не заметил моего смущения.

— Ну, знаешь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал небрежно, — когда у тебя слабая искра, приходится компенсировать. Бабуля всегда говорила, что умение хорошо готовить однажды может спасти мне жизнь.

— Твоя бабуля — мудрая женщина, — тепло улыбнувшись половиной лица, заметил дракон.

О том, кто именно моя бабуля, мы тоже договорились не говорить в стенах квартиры. На всякий случай.

— Готовка — это как точная наука, — пояснила я, смешивая в ступке угольную крошку с селитрой. — Важно знать, какие продукты в сочетании друг с другом дают незабываемый вкус, а какие друг друга портят. Магия тут почти не нужна, только мозги, знания и осторожность.

— Осторожность — это не ко мне, — хмыкнул Кел. — Но ты продолжай.

Я продолжила. На кухне повисла уютная, почти домашняя тишина, нарушаемая только стуком пестика в ступке и шипением Рунной Глади, на которой я растапливала воск для запечатывания капсул. Кел сидел, откинувшись на спинку стула, и лениво наблюдал за моими манипуляциями.

— Знаешь, — вдруг сказал он задумчиво, — когда я учился в академии, мне говорили что-то похожее. Про точность. Про то, что сила без ума — это просто дорога к могиле.

Я улынулась я, не оборачиваясь, а дракон продолжил ностальгировать:

По мнению моих преподавателей, — усмехнулся Кел, — я был достаточно умен, чтобы не помереть сразу, и достаточно глуп, чтобы постоянно вляпываться в неприятности.

Я рассмеялась, и этот смех прозвучал удивительно легко и свободно. Мы говорили о какой-то ерунде — о бабушкиных методах преподавания, о том, как Кел однажды случайно поджег учебную аудиторию, о моих детских попытках повторить ее заклинания и о том, что ничего хорошего из этого не вышло. Однажды я спалила занавески в гостиной, и бабуля на неделю лишила меня сладкого.

— Справедливое наказание, — прокомментировал Кел. — Занавески — это серьезно.

— Ты просто не видел этих занавесок, — парировала я, закатывая очередную дымовую пашку в вощеную бумагу. — Они были ужасны. Ящерицы с бабочками. Бабулин вкус в декоре всегда был... специфическим.

— Ящерицы с бабочками, — медленно повторил он, и его губы дрогнули в улыбке. — Надеюсь, у меня в квартире такой экзотики не предвидится?

— Не волнуйся, — я покосилась на него через плечо. — Твой минимализм в стиле “дорого-богато-но-бездушно” я портить не собираюсь.

Он фыркнул, но промолчал, явно не зная, обижаться ему или смеяться.

Постепенно разговор перетек на современные технологии. Я попыталась объяснить ему, что Зеркальце — это не просто “светящаяся дрянь”, а невероятно удобная штука, которая заменяет собой карты, письма, газеты и даже кошелек.

— Ты просто не понимаешь, насколько это упрощает жизнь, — горячилась я, аккуратно заливая растопленный воск в капсулу с зажигательной смесью. — Вот смотри. Раньше, чтобы сделать фото с близким человеком, нужно было идти в специальную фотографическую будку, позировать там несколько минут, потом ждать неделю, пока мастер проявит снимок, закрепит его заклинанием, высушит... А сейчас — смотри!

Я отряхнула руки от воска и угольной пыли, схватила с подоконника свое Зеркальце и, прежде чем Кел успел возразить, встала рядом с ним.

— Улыбнись, — скомандовала я, наводя экран на нас обоих и про себя молясь, чтобы он не отшатнулся и не выбил Зеркальце у меня из рук.

Кел на мгновение замер и я буквально кожей почувствовала, как напряглись мышцы его плеча, к которому я прижалась, но потом его лицо чуть расслабилось, уголок губ дрогнул в

кривоватой, но удивительно обаятельной усмешке, а золотой глаз блеснул в свете кухонных ламп.

Щелк!

Экран Зеркальца замер, запечатлев нас: меня — раскрасневшуюся, с выбившимися из пучка волосами и пятном сажи на носу, и его — огромного, с золотым вертикальным зрачком и слегка растрепанными волосами.

— Вот, смотри, — я повернула экран к нему, чувствуя себя немного глупо, но все еще горя желанием доказать свою правоту. — Даже неделю ждать не надо. Нужное фото всегда под рукой.

Кел наклонился, разглядывая снимок, и я вдруг осознала, насколько близко друг к другу мы стоим. Он взял в свою большую теплую ладонь мои пальцы, сжимавшие Зеркальце, и слегка притянул их к себе. Запах бергамота и мускуса окутал меня, и я на секунду забыла, как дышать.

— Неплохо, — произнес он низким голосом, взглянув на меня.

В кухне повисло искрящееся, напряженное, как воздух перед грозой, молчание. Он смотрел на меня. Я смотрела на него.

Краем глаза я заметила, как его вторая рука поднялась вверх, а в следующее мгновение, одним нежным движением большого пальца, он стер с моего носа сажу.

— Ты испачкалась, — хрипло, почти гортанно, сказал дракон, а у меня почему-то не оказалось ни капли сил, чтобы ответить ему хоть что-то.

Ноги подкашивались, внизу живота разливалось приятное тянущее ощущение, которое заставляло выгибаться ему навстречу против моей воли и воли здравого смысла.

И в этот самый момент, когда воздух между нами накалился до предела, а сердце из моей груди готово было выпрыгнуть...

Дзинь-дзинь-дзинь.

Звонок в дверь прорезал тишину, как нож. Резкий, настойчивый, требовательный.

Я вздрогнула так сильно, что чуть не выронила Зеркальце. Кел отшатнулся, и его лицо за долю секунды вернуло привычную маску хмурой бдительности.

— Жди здесь, — бросил он коротко и двинулся в прихожую.

Глава 15.

Келлитан вышел в прихожую, а я превратилась в слух.

— Ле-екс, дружище! — как-то слишком дружелюбно и громко протянул Кел из коридора. — Какими судьбами?

Я решила, что говорит он так специально, чтобы я услышала и заметалась по кухне, словно загнанный в угол кролик.

Лекс Вэлш? Глава Небесного Предела, хозяин этой квартиры и, по совместительству, главный подозреваемый в том, что преступный мир Эшхолла чувствует себя вольготно, как никогда.

А у нас тут вся кухня заставлена ингредиентами для дымовых пашек, на столе разложены рунные заготовки, и пахнет серой так, будто мы тут конец света репетируем и вовсе не варим кашу на завтрак.

“Если он зайдет дальше прихожей — все, — пронеслось у меня в голове. — План пойдет дракону под хвост. В прямом смысле”.

Я лихорадочно огляделась, думая о том, что может заставить одного мужика, заявившегося к другому мужику, по-быстрому отчалить восвояси?

Ответ всплыл в голове мгновенно, и я густо покраснела, даже не успев до конца его додумать.

“Он уйдет, только если будет уверен, что Кел... — я даже мысленно запнулась, — развлекается с девушкой”.

— Бабуль, прости меня, пожалуйста, — прошептала я в потолок, и, решительно скинув халат, стащила через голову футболку, в которой спала.

Взгляд упал на сушильную нить, где среди постиранных мной вчера вещей, аккуратно висела черная рубашка Кела.

Не раздумывая ни секунды, я схватила ее, накинула на плечи и застегнула на пару пуговиц. Ровно столько, чтобы рубашка не распахнулась, но и не выглядела слишком благопристойно.

Ткань пахла свежестью, легким бергамотом и чем-то неуловимо драконьим. Рубашка была мне велика настолько, что почти доходила мне до середины бедра.

Глубоко вдохнув и мысленно попрощавшись со своей репутацией, я выскользнула в прихожую.

— Котик, ну ты там скоро? — капризно протянула я, входя в роль пустоголовой вертихвостки. — Я уже вся зажд...

Осеклась я на полуслове, потому что наткнулась на взгляд Вэлша.

Лекс Вэлш оказался совсем не таким, каким я его представляла. Высокий, поджарый, с военной выправкой — сразу видно, что в прошлом он не кабинетный работник, а боевой офицер.

На вид ему можно было дать лет пятьдесят, хотя драконы стареют иначе, и кто знает, сколько ему на самом деле. Коротко стриженные, чуть тронутые сединой волосы, аккуратная бородка, дорогой костюм цвета темного графита, сидящий безупречно.

Но главное — глаза. Холодные, светло-серые, оценивающие. Они смотрели на меня с таким внимательным, цепким интересом, что мне на мгновение стало не по себе.

— Оу, — только и выдохнула я, изображая смущение и делая вид, что поправляю край рубашки, который и так был неприлично короток.

Вэлш перевел взгляд с меня на Кела, и его губы тронула понимающая, слегка ироничная улыбка.

Кел же, надо отдать ему должное, даже бровью не повел. Только в его золотом глазу мелькнуло удивление пополам с одобрением, и он, словно ни в чем не бывало, шагнул ко мне, собственническим жестом обнимая за талию.

— Я же говорил тебе, Лекс, — лениво произнес он, чуть растягивая слова, — что занят очень важным делом. Знаешь сколько нерастраченной энергии я накопил за прошедшие двадцать лет?! Так что, если у тебя нет ничего срочного, давай увидимся позже. Все-таки я слишком много пропустил, и сейчас важнее наверстать упущенное.

С этими словами он притянул меня к себе еще ближе, и его большая горячая ладонь уверенно легла на мою ягодицу. Я едва не подпрыгнула на месте, потому что под тонкой тканью его рубашки на мне были только кружевные трусики, и его пальцы обжигали голую кожу так, что у меня перехватило дыхание.

Часть его руки, я это отчетливо ощущала, касалась меня напрямую — там, где рубашка чуть задралась. Я густо покраснела и уткнулась носом в плечо Кела, чтобы скрыть пылающие щеки, а заодно и сыграть смущенную скромницу, которую отвлекли от важного занятия.

Вэлш открыто, добродушно и почти по-дружески расхохотался.

— Даже не думал, что ты так быстро освоишься в новом мире, Келлитан, — сказал он, покачив головой. — Честно говоря, я шел сюда с некоторым... беспокойством. Думал, ты до сих пор ворчишь на прогресс и отказываешься выходить из квартиры. А ты, смотрю, не только вышел, но и... нашел себе занятие по душе.

— У меня очень хорошие помощники, — Кел кивнул на меня, и его голос прозвучал с той особенной, многозначительной интонацией, от которой у меня мурашки побежали по спине.

— Вижу-вижу, — протянул Вэлш, снова скользнув по мне взглядом с оттенком профессионального интереса, от которого мне захотелось немедленно надеть на себя что-нибудь более закрытое. Например, рыцарские доспехи. — Что ж, не буду вам мешать. Келлитан, загляни ко мне в Управу на днях, когда... освободишься. Есть пара вопросов, которые я хотел бы обсудить.

— Непременно, — кивнул Кел, уже откровенно подталкивая гостя к выходу. — Но не сегодня. И, подозреваю, не завтра.

— Понимаю, — Вэлш усмехнулся и кивнул мне. — Всего доброго, юная леди.

— Д-до свидания, — пробормотала я, не поднимая глаз.

Дверь за Вэлшем закрылась. Я выдохнула так, будто до этого не дышала несколько минут.

— Прости, пожалуйста, — тут же принялась сбивчиво извиняться, — я просто ничего другого не смогла придумать, чтобы от него избавиться, он бы зашел на кухню и... — тараторила я, заламывая руки, — и тогда бы... и я решила, что если ты будешь занят с девушкой, то он точно не полезет, и в общем я...

Кел не дал мне договорить, издал низкий, утробный рык, от которого у меня все внутри завибрировало, схватил меня за руку и потащил через всю квартиру. Я едва успевала перебирать босыми ногами.

Он распахнул дверь ванной, буквально затолкнул меня внутрь, зашел следом, закрыл дверь на защелку и включил воду. Шум падающей в раковину воды наполнил маленькое помещение.

Я вжалась спиной в прохладный кафель и уставилась на Келлитана испуганными глазами. Он стоял напротив, нависая надо мной, и в его единственном глазу плясало темное, горячее, опасное пламя. Зрачок то сужался, то расширялся, выдавая бурю эмоций, которые он пытался сдерживать.

— Ты в курсе, ведьма, — произнес он низким, рокочущим голосом, от которого у меня предательски ослабли колени, — что опасно так откровенно дразнить голодного дракона?

Я сглотнула громче, чем планировала. И казалось, что даже шум воды не заглушал моего бешено колотящегося сердца.

Я вдруг осознала, что стою перед ним в одной рубашке, которая предательски сползла с одного плеча, открывая ключицу и верхнюю часть груди.

— Я... я не дразнила, — прошептала я, понимая, что это, пожалуй, самая большая ложь в моей жизни.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.